МАРИНА ИНДИВИ
КНИГА ТРЕТЬЯ
ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

Марина Индиви

Драконова Академия. Книга 3

«Литнет»
2022

Индиви М.

Драконова Академия. Книга 3 / М. Индиви — «Литнет», 2022

Спасла, называется, главную стерву всея Академии. Теперь все знают, что у меня темная магия, и шарахаются от меня как от огня. Черная страсть с каждым днем все сильнее связывает меня с архимагом, вокруг которого тоже сгущаются тучи: слишком многих беспокоит его стремительно возросшая сила и влияние, которым он пользуется. Вот и что со всем этим делать, спрашивается? Учиться, учиться и еще раз учиться, потому что только так я смогу узнать, что стало с моими родителями. Драконова Академия!

© Индиви М., 2022
© Литнет, 2022

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 37
Глава 7 40
Глава 8 45
Глава 9 51
Глава 10 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Пролог

Тэйрен Ниихтарн

Тэйрен уколола палец, и капелька крови, подчиняясь магии, взмыла в воздух. Собралась темным облачком, сгустившимся над ладонью, под еле слышный шепот драконицы слова заклинаний усилили набирающую мощь силу плетения, воссозданного до использования магии крови. Облако меняло форму, растягивалось, становилось прозрачным, и, пока действие темной магии раскрывалось во всей красе, она смотрела на бессменные пейзажи за тяжелым стеклом, пленником каменной арки окна.

Ее покои всегда располагались здесь, с самого детства. Начиная с того самого дня, как она стала осознавать себя, но ее колыбель стояла в этих давящих мрачных стенах уже тогда, когда мать только готовилась произвести ее на свет. Она знала все эти истории от своих бесчисленных нянюшек, которые долго не выдерживали: ее сила выпивала их раньше, чем они успевали понять, что происходит.

Их с братом-близнецом разделили сразу же, они росли и воспитывались, отделенные мощными стенами друг от друга. Не было в их отношениях никогда ничего теплого, разве что единство магии. Единство магии и происхождение — вот и все, что их объединяло. Разделяло же, вне всяких сомнений, очень многое. В частности, ее, Тэйрен, умение чувствовать.

Ее называли неправильной, выродком, недостойным великого древнейшего рода правителей Эрда. Когда же она поняла, что ее сила легко способна убить, и стала осторожничать со слугами, на Тэйрен махнули рукой. Именно это попустительство, а еще сосредоточенность брата на желании захватить власть в Мертвых землях, и подарили ей возможность сбежать.

Впитывая воспоминания, Тэйрен ненадолго прикрыла глаза.

Здесь, в Мертвых землях, не бывает зимы, весны, лета или осени. Здесь черные, серые, пепельно-серебристые краски лишенной жизни природы никогда не становятся такими отчаянно-яркими, как в Даррании. Да хоть где, за пределами мест, в которых все питается исключительно потусторонней силой. Здесь даже воздух другой, здесь не бывает ни сильных звуков, ни запахов, а все чувства сводятся исключительно к одному — их нет.

Впрочем, есть еще кое-что допустимое в Мертвых землях. То, что по-настоящему можно почувствовать — черная страсть. Сводящая с ума, изматывающая, наваждение дня, ночи, каждого мгновения жизни, когда кажется, что объект твоего желания должен быть твоим несмотря ни на что. Она помнила это чувство, и оно по-прежнему жило в ней. Так же, как когда-то жило совсем другое.

Любовь.

Это слово, смысл которого теперь было очень сложно вспомнить и еще сложнее почувствовать. Ферган предал ее. Предал, хотя она отреклась ради него от самой сути себя, от своей магии, которую в Даррании считали не просто постыдным клеймом, ужасом, тьмой, мерзостью, от которой немедленно хотели избавиться, как от самой заразной болезни.

В Даррании ее приняли, нарекли чужим именем, запечатали силу. Согласившись на это добровольно, она не стала им говорить, что закрывающая печать для темной магии — это как перекрыть воздух, как лишить дракона возможности дышать полной грудью. Такова оказалась цена ее любви. Такова оказалась цена возможности быть рядом с тем, который спустя несколько зим обратил внимание на другую.

Светлую, с сильной магией, не чета той, что Тэйрен закрыла в себе добровольно.

Судорожно вздохнув, она перевела взгляд на стремительно светлеющее облако. Сначала белый цвет стал нестерпимо-ярким — она вторгалась в царство светлой магии — а после померк, и вместо него в воздухе, чуть повыше руки, над запекшейся капелькой крови на пальце

возникла прозрачная как стекло пленка размером со среднее зеркало. Пока что она была прозрачной, но это пока. Еще два слова заклинания — и Тэйрен увидит его.

Своего сына.

Сезар…

— Так и знал, что ты не устоишь.

Холодный голос брата мог бы показаться насмешливым, если бы не был таким. Никаким. Ледяным, холодным, пустым, безжизненным. Как все эти его пр*о*клятые чертоги.

Подавив порыв разрушить заклинание, Тэйрен обернулась. Адергайн выглядел непривычно живым, если можно так выразиться. Возможно, дело было в приподнятом уголке губ, создающем иллюзию возможности того, что он может чувствовать. Хотя скорее всего, во взгляде, в котором клубилось неизменное торжество превосходства. Надо всеми и вся.

— Отлично, можешь себя поздравить, — произнесла она. — Да, я снова пользуюсь магией, Адергайн.

— С этим в первую очередь надо поздравить тебя, сестрица. — Он прошел к ней и остановился за ее спиной у отделяющей ее от Сезара стеклянной преграды. Которая, подчинившись уже его коротким словам заклинания, превратилась в самое настоящее зеркало, отразив двух донельзя похожих друг на друга мужчину и женщину.

Длинные темные волосы, цвет лица как цвет кости дракона, глаза — залитые чернеющим серебром, готовым вот-вот прорваться тьмой.

— Поздравления приняты, — скупо ответила она. — Жаль, мне нечем тебе ответить. Твой план, если не ошибаюсь, несколько… провалился. Валентайна рядом с нами нет, принц все еще жив, а эта девчонка…

— Не спеши, моя дорогая, — Адергайн хищно улыбнулся. — Загляни в зеркало.

Их черты окончательно стерлись, и, когда Тэйрен увидела происходящее, руки брата на ее плечах показались тяжелее могильных плит. Она смотрела на сына, чувствуя, как все внутри холодеет, хотя не должна была чувствовать холод. Его в ней просто не должно было остаться. Но он был, и сейчас, когда увиденное заставляло все внутри сжиматься от ужаса, Тэйрен чувствовала себя отчаянно, невыносимо, бессильно… живой.

— Наслаждайся, — Адергайн похлопал ее по плечу. — Кстати, я тебе не говорил? Недавно к нам доставили первую ошибку Валентайна. Относительно живым, разумеется, но для нас это мелочи, не так ли?

— Что? О ком ты говоришь? — нахмурившись, Тэйрен повернулась к брату.

— О чем. Темные твари знатно его потрепали. Через пару месяцев мы им его вернем.

— Кого? — голос сорвался.

— Гритта Лэйтора, разумеется. Посмотрим, как общественность Даррании отреагирует на самосуд Валентайна. Как на это отреагирует Ферган. Как себя поведет наша Лена и твой чудесный племянник.

— Обещай, что не тронешь Сезара, — неожиданно помертвевшими, непослушными губами произнесла Тэйрен. — Он твой…

— Не трону, если не будет стоять у меня на пути. А впрочем, я искренне рад, что ты наконец-то прониклась серьезностью моих намерений и поверила в меня. Вера близких, она, знаешь ли, вдохновляет.

Если бы он мог издеваться, он бы издевался, но вряд ли Адергайн почувствовал хотя бы крупицу той боли, которая сейчас пронзила ее. Ударила в самое сердце.

— Как я уже сказал, наслаждайся, — развернувшись, брат шагнул к дверям, на ходу бросив: — Все самое интересное только начинается.

Глава 1

Лена

Несколькими месяцами ранее

— Люциан, — почему-то вместо имени получается шепот. Мне так отчаянно нужно, чтобы он мне поверил: именно он, но того, что я вижу в его глазах достаточно, чтобы раскрошить даже гранитную скалу надежды, а не ту хрупкую вазочку, в которую моя в последний момент превратилась.

Мгновения растягиваются во времени до такого предела, что мне кажется, кто-то остановил или замедлил время с помощью магии — когда я осторожно укладываю Софию на скамейку, шагаю в парк, а потом в меня летит золотой хлыст. Не знаю, во что мне еще сложнее поверить — в то, что Люциан действительно мог меня ударить магией, в то, что он все-таки это сделал, или в то, что я не могу и не хочу защищаться. Просто, зажмурившись, отступаю, готовая к…

Что-то шипит совсем рядом, лицо опаляет магией, но она не причиняет мне ни малейшего вреда, растворяясь в привычном и знакомом холоде. Почему-то я совсем не удивлена, наткнувшись спиной на грудь Валентайна, а разумом — на его голос:

— Что здесь происходит?

Его голосом можно крошить пресловутые скалы, а заодно драконовы академии и всех вместе собравшихся, как по щелчку пальцев.

— Она напала на Софию Драконову! — снова заводит свою песню Лика. Хотя если бы она пела, ей бы платили исключительно за то, чтобы она заткнулась: раньше я даже не представляла, что у нее может быть такой высокий и такой противный голос. — Разбросала этих парней…

— Молчать, — приказывает Валентайн, и приказывает так, что Лика давится словами и начинает кашлять. В завершение этой эпичной сцены, расталкивая всех, выбегает Сезар, который бросается к Софии.

Если бы я не была участницей этого трагифарса, поаплодировала бы, но мне не до аплодисментов. Мне казалось, между мной и Люцианом все было кончено тогда, когда мы расстались, так вот, мне просто казалось. Может, его магию и отвел Валентайн, разбив ее щитом невиданной темной силы, но отвести его полосующий мое сердце в клочья взгляд он не может. Точно так же, как он не может отвести его ненависть, его ярость, его жесткий, звенящий от гнева голос:

— Отойдите от нее, архимаг, или…

— Или вы снова попытаетесь ее убить? — перебивает Валентайн. — Достойно для адепта военного факультета. Это в первую очередь вопрос к вам, ректор Эстре.

Ректор вспыхивает ярче своих волос, а Валентайн продолжает:

— Что касается вас, я все еще не понимаю, почему здесь столько гражданских. Это не бал-маскарад, а место преступления, где должны остаться исключительно свидетели и участники события.

Военные, очнувшись от его приказного тона, шустро загоняют собравшихся обратно туда, откуда они пришли. То есть в зал, где танцы, музыка, праздник и вкусняшки, в парке остаемся исключительно мы. Сезар, который так бережно прижимает к себе полураздетую Софию, словно она может рассыпаться в его руках брызгами осколков.

— Адептку Драконову в лазарет и не спускать с нее глаз. Этих тоже.

Валяющихся неудачливых сообщников Аникатии и Лики, как подснежники, собирают военные. Парни кряхтят, воют, но вслед за Сезаром и Софией уходят в портал, поддерживаемые бравыми воинами Даррании, опасливо косящимися на меня. Да что тут, на меня опасливо косятся все, кроме, пожалуй, Люциана. Он шагает в портал за нами: за мной, Ликой и ректором Эстре, которая сжимает кулаки так, что ногтями грозит продырявить себе ладони насквозь.

Определенно моя фантазия дала сбой, я даже головой трясу, чтобы избавиться от этой слишком яркой картинки. В кабинете ректора мне на плечи тяжестью ложатся руки Валентайна, буквально усаживая в кресло. Меня должно трясти, но меня не трясет, я сую ладони между колен и произношу отчетливо:

— Они хотели отравить Софию и снять ее для… — Название соцсети как назло напрочь вылетает из моей головы, и этим пользуется Лика.

— Она врет! — снова визжит она. — Она хотела ее покалечить! Даже ударила! Парни вступились, и она их…

Присоединившиеся к нам двое военных и Люциан тут же подбираются, но больнее мне уже не будет. Теперь уже нет.

— Достаточно, — голос Валентайна перебивает излияния Лики снова. — Ректор, думаю, вы как никто другой знаете, что положено делать по протоколу.

По протоколу в Академии спустя пять минут уже находятся стражи порядка, а еще — профессиональный стражепорядковый секретарь, который с помощью магического пера открывает запись всего, что будет здесь говориться и происходить. Допрос ведет один, второй следит за тем, чтобы никто никого не поубивал, и все в порядке очередности. Сначала допрашивают Люциана.

— Я почувствовал темную магию, когда вышел в парк, — произносит он. — Сначала услышал крики, потом меня от нее затошнило, эту мерзость ни с чем не спутаешь. Потом — сигнализация. Я увидел, что Ларо напала на Драконову… Готов был ее убить. Я вышел из себя.

Как ты мог видеть, что я напала на Драконову? — хотелось спросить мне, но я промолчала. Тяжесть ладони Валентайна на моем плече отрезвляла и помогала мыслить здраво. Потому что, если не мыслить здраво, можно наделать еще больше дел. Еще больше, чем я уже наделала.

После Люциана допрашивали сестру Эстре.

Со слов Лики, она вышла подышать свежим воздухом в парке, когда услышала крики Драконовой. Она бросилась к беседке и увидела, что я воздействую на Софию темной магией. Увидев Лику, я ее отшвырнула, а после на помощь ей бросились трое драконов, которых я раскидала тоже. И решила доделать свое дело, но мне помешало появление Люциана и остальных.

Я слушаю ее отменное вранье как какой-то фоновый шум. На что она вообще рассчитывает? София Драконова же рано или поздно придет в себя, и когда она придет в себя, то все вспомнит. И как Клава заманила ее к беседке, и все остальное. Что-то важное крутится на самом краю сознания, но я никак не могу вспомнить, что. А еще почему-то не могу заставить себя посмотреть на Валентайна: вот же он, стоит тут. И он меня спас. Снова. Но поднять на него глаза удивительно, невыносимо тяжело, словно веки стали свинцовыми.

Такими же как тяжесть того, что я должна вспомнить.

— Аникатия! — перебиваю я, когда память сквозь шок подбрасывает деталь заговора против Драконовой. — Аникатия! Она должна была дать Софии зелье, которое сотрет ее память…

— Адептка Ларо, сейчас допрашивают не вас… — пытается перебить меня страж порядка, но снова вмешивается Валентайн:

— Что за зелье? Откуда ты это знаешь, Ленор?

— Гуляла по парку, когда услышала их, — киваю на Лику. — Они все в заговоре. Она, Лузанская и Аникатия Эльдор.

Лика становится бело-зеленого цвета, а Валентайн кивает одному из военных:

— Проверьте адептку Эльдор. И приведите сюда Клавдию Лузанскую.

Суеты вокруг как-то разом становится больше. Те военные, которые занимались сопровождением адептов на праздник (хотя какой сейчас праздник?), сначала забегают в кабинет — по старинке, без портала, потому что те двое, что здесь были, отправились выполнять приказ Валентайна, а оставлять здесь опасную меня очень опасно. По крайней мере, я это воспринимаю именно так. Давящий, режущий взгляд Люциана уже не может причинить мне вред, это как лечить зуб под анестезией. Вроде воздействие чувствуется, но боли не причиняет.

Лика тоже сверлит меня взглядом, допрос как-то резко перестает иметь силу, а Валентайн по-прежнему стоит рядом со мной. Его ладонь на моем плече, он так и не отошел от меня ни на шаг. Почему-то именно от осознания этого сейчас хочется плакать, но я держусь. Больше того, через это прикосновение в меня сейчас втекают такие уверенность и сила, что «разводить сырость», как говорила тетя Оля, было бы совершено не в тему.

Спустя какое-то время в кабинет возвращаются военные, они сопровождают взъерошенную, злую как Баба-Яга после неудачной встречи с Иваном-Царевичем, Клаву, и следом за ней — Аникатию. Последним, почему-то прихрамывая, входит Ярд. На скуле у него красуется кровоподтек, под глазом наливается свежий синяк. Последнее настолько меня шокирует, что я почти вскакиваю, чтобы броситься к другу, но Валентайн останавливает мой порыв на подлете. То есть на подпрыге, сильнее надавив на мое плечо.

— Так, — пробежавшись лицом по всем оттенкам цвета — от багрового до мертвенно-бледного, мрачно произносит страж порядка. Мрачно — потому что дочь королевского советника в подозреваемых явно нарушает картину его мира. — Что происходит?

— Вот. — Один из военных выступает вперед, протягивая флакончик с зельем. — Изъято у адептки Эльдор.

— Это все ложь! Мне его подбросили! — кричит Аникатия.

— Кто? — интересуется страж порядка.

— Он! — драконесса тычет пальцем в Ярда.

— Она врет! — возмущается друг.

— Разумеется, я не вру!

Гвалт стоит такой, что в базарный день или на концерте Егора Крида и то тише, и перешибает его только спокойный, негромкий, но удивительно подчиняющий голос Валентайна:

— Всем. Молчать.

Удивительно, но замолкают и правда все, на этот раз даже страж порядка застывает с открытым ртом.

— В случае таких разнящихся показаний у нас остается один вариант: заклинание истины, — спокойно произносит Валентайн. — Солгать под которым совершенно точно никто не захочет.

— Но… архимаг, — вмешивается страж порядка, — это очень серьезное заклинание, оно применяется только с разрешения тэрн-арха Фергана…

— Которого мы, вне всяких сомнений, испросим, — холодно парирует Валентайн. — Должны же мы разобраться в том, почему его сын злоупотребил своей силой на глазах у всех.

Люциан багровеет и смотрит на Валентайна с такой ненавистью, что, кажется, сейчас просто набросится на него. Обстановка накаляется до предела, Аникатия снова вопит:

— Тэрн-арх не позволит подвергать меня такому допросу! Я благородная драконесса!

— Вот и узнаем, насколько вы благородная.

Мне кажется, или он дразнит их намеренно? Да нет. Мне не кажется, потому что, когда я все-таки поднимаю на Валентайна глаза, вижу, что он в ярости. В такой ярости я не видела его еще ни разу, и дело даже не в том, что в серебре, затопившем радужку его темных глаз, уже

появились прожилки тьмы. Дело в заострившихся чертах, делающих его похожим на хищника, готового разорвать всех и вся.

Из-за меня.

Перебивая эту мысль, в кабинет снова влетает запыхавшийся секретарь.

— Ректор! Ректор Эстре, — он выдыхает, приглаживает шапку волос, кажется, еще сильнее увеличившихся в объеме. — Магистр Симран сообщил, что адептка Драконова пришла в себя.

У ректора уже дергается глаз. Не просто дергается, ее лицо то становится холодным и отстраненным, то черты заостряются, как у Валентайна, обнажая светлую хищницу. Тем не менее сейчас она говорит, чеканя слова:

— Это, вне всяких сомнений, меня очень радует. Но если вам больше нечего добавить, Номбри…

— Как раз есть! София… адептка Драконова мало что помнит, но она рассказала, что в беседку ее отвела Клавдия, и что ей стало плохо после Дорнар-скар, который ей принесла адептка Лузанская. Потом там появились трое парней, которые ее раздевали, а потом — адептка Ларо. Которая ее спасла.

— Что за бред?! — цедит Люциан, а потом, раньше чем ректор успевает его остановить, открывает портал и шагает в него. То, что я вижу краем глаза — лазарет, где находится Драконова, а рядом с ней Сезар и дракон. Самый настоящий дракон, как Ферган, только другой. Ну да ничего необычного, все в порядке вещей.

Портал схлопывается, оставляя меня со всеми, кто не захотел лично уточнить у Софии, что за бред. Ярд рассказывает местному полицейскому, о чем я его попросила — перед тем, как выйти в парк. Найти Эстре или любого другого магистра и отправить их следом за мной. Лика стоит подозрительно молчаливая, уже не пытается встревать в то, что происходит: видимо, поняла, что бесполезно. Что касается Аникатии, она громко требует позвать сюда ее отца, немедленно, и сообщает, что это полный беспредел.

Откровенно говоря, бывшая Люциана никогда особым умом не отличалась. И, судя по тому, что произошло в парке, они с принцем нашли друг друга, так что сыграть бы им свадебку и жить долго и счастливо. Сама эта мысль отзывается внутри какой-то тупой усталостью, единственное, что меня сейчас держит — рука Валентайна. Еще слова Ярда, который рассказывает, как успел перехватить Аникатию, собиравшуюся передать зелье забвения Клаве, чтобы та «навестила» Драконову в лазарете и дала ей «попить». У меня ото всех этих интриг и хитросплетений уже легкая тошнота, а еще начинает кружиться голова.

Я ловлю себя на том, что «выползаю» из-под руки Валентайна, потому что стекаю вниз. На пол. Стекла бы, если бы он меня не подхватил. Столь резкая смена положения оказывается для меня слишком острой, потому что тошнить начинает еще сильнее, а уж когда мы проходим через портал…

Все перепутывается, даже время и действие, потому что я слышу Валентайново:

— С вашего позволения. Адептке Ларо нужен отдых, — уже когда мы в портале? Или в моей комнате в его доме? А почему мы уже в ванной?

В последний раз в этой ванной у меня произошел выброс темной магии, во время которого я тоже мало что понимала. Кроме того, что мы лежим здесь вдвоем и голые… как, в общем-то и сейчас. Его умение растворять мои платья в пространстве — это нечто, хотя навык, конечно же, полезный. Может, платье тут где-то и осталось? Нет, правда?

Я даже выворачиваю шею, чтобы увидеть платье, лежащее на полу, но Валентайн мягко подталкивает меня плечом, заставляя сползти обратно.

— Тихо, Ленор.

— В любой непонятной ситуации тащи голую Лену в ванную, — я хихикаю, прекрасно понимая, что это нервное. Но ничего не могу с собой поделать.

— В следующий раз посажу тебя сюда в платье. — Валентайн складывает руки на моих бедрах без малейшего притязания на секс или хотя бы ласки. — Вода забирает все: и хорошее, и плохое. Для тебя это сейчас лучший вариант.

Какой вариант для меня лучший, я сейчас не уверена, но в том, что этот вариант гораздо лучше допросной, в которую переквалифицировали кабинет ректора — сто процентов. В памяти всплывает, что в тот раз я оказалась в ванной с Валентайном тоже после допроса, после тюрьмы, в которую меня притащил Лэйтор.

— Очень странное дежавю.

— Дежавю?

— Потом объясню, — говорю я. — Хотя… это когда кажется, что что-то уже было, а на самом деле его еще не было.

Не уверена, что я объяснила правильно, но это и неважно. Вода, судя по всему, действительно забирает все: и хорошее, и плохое. Потому что спустя минут десять безмолвного лежания в объятиях Валентайна в теплой, как летнее море, ванной, я с одной стороны прихожу в себя, а с другой — чувствую себя полностью опустошенной. Будто из меня вытряхнули все чувства, переживания, проблемы, заботы и прочее, оставив только меня в здесь и сейчас. В этом здесь и сейчас мне на удивление спокойно и хорошо, меня не смущает даже близость этого совершенно непредсказуемого мужчины.

Хотя возможно, дело совсем в другом? Не в этом опустошении, а в чем-то — напротив — гораздо более глубоком?

— Спасибо, что спас меня. Опять, — говорю я и пытаюсь развернуться, касаюсь пальцами его ладоней, но Валентайн перехватывает мои руки. Потом так же резко поднимается, увлекая за собой.

Подчиняясь взмаху его руки, на плечи мне ложится полотенце, которое мне совершенно не нужно. Оказавшись рядом с кроватью я уже спустя мгновение полностью сухая, от кончиков пальцев ног до корней волос. Бытовые заклинания рулят! А еще рулит то, с какой легкостью ими пользуется Валентайн.

— Я… — начинаю было я, но он меня перебивает:

— Не сейчас, Лена.

— Нам стоит поговорить о том, что случилось…

— Возможно. Но не сейчас.

Это просто невероятно! Он полностью обнажен, я тоже, а он отказывается даже со мной говорить! Хотя может быть, дело в том, что в таких обстоятельствах лучше не говорить, а действовать? Вот только стоит мне об этом подумать, как взгляд Валентайна вспыхивает огнем, и он отступает.

— Ложись спать, Лена.

— Я не хочу, — хрипло говорю я. — Я хочу…

Дотянуться до твоих губ.

Увы, дотянуться не получается, потому что веки вдруг становятся тяжелыми. Запоздало понимаю, что Валентайн что-то шепчет, и это что-то — ни что иное, как усыпляющее заклинание. Которое, между прочим, в таких вот целях тоже считается не особо законным!

С этим мне, похоже, придется смириться. Как и с тем, что я снова соскальзываю в его руки, и с тем, что он укладывает меня в постель, укутывая покрывалом. И даже с тем, как он меня целует — так, что от одного касания губ в крови закипает жидкий огонь, растворяющийся в сладкой густой темной неге глубокого сна.

Глава 2

Люциан Драгон

Драхов праздник, драхова Ларо, драхов братец!

— Ты что здесь делаешь? — процедил Люциан, обнаружив Сезара у кровати Софии.

— Полегче, — негромко произнес Сезар.

— Куда уж легче. Твоя Женевьев наверняка сбежала, теряя туфельки.

София вздрагивает при упоминании Женевьев, брови брата сходятся на переносице, но Люциану сейчас наплевать. Ему наплевать на все, потому что кому-то должно быть больно так же, как больно ему.

— Юноша, — раздается рычание, и нависший над ним магистр Симран договаривает: — вы, наверное, в курсе, что в лазарет, а тем более в палаты оперативной магической помощи открывать порталы строго запрещено?

— Тебя не спросил, — бросил Люциан, даже не взглянув на целителя. Толку-то, говорить с тем, кто добровольно сбежал в драконью форму ото всех проблем. В точности как папаша! Воздух над ним накаляется, чешуя дракона разогревается и от солнечной-огненной становится почти прозрачной, а Сезар так сцеживает воздух, что того и гляди сам начнет дышать пламенем, когда София произносит:

— Оставьте нас ненадолго. Пожалуйста.

Ее тихий голос, как ни странно, звучит лучше любого приказа, потому что Сезар мигом перестает раздувать ноздри, резко поворачивается на каблуках и выходит. Что же касается магистра Симрана, тот сам открывает портал, в который уволакивает свою безграничную драконью тушу, между прочим, нарушая свои же собственные правила. Хотя на него они наверняка не распространяются.

— Что за бред? — повторяет свой вопрос Люциан, когда они остаются одни. — Почему ты сказала, что она тебя спасла?!

— Во-первых, давай потише, — София морщится. — Голова раскалывается после той дряни, которую я выпила. Магистр Симран уже определил, что дала мне Клавдия, но от этого как-то не легче, и даже магия просто так снять это не может.

— Или кто-то дилетант, — Люциан шагнул вперед, чтобы положить ладони ей на виски, но София перехватила его руки.

— Стой. Остановись. Да послушай же ты! — Она глубоко вздыхает. — Это нельзя быстро исцелять, он вывел эту дрянь как мог, но если попытаться оборвать ее действие полностью, может получиться обратный эффект. Мне станет хуже.

София кивнула на стоявший на подлокотнике стакан, а после отпустила его запястье.

— Вот. Там зелье, которое частично нейтрализует токсин зелья Клавдии. Жаль, что я сразу не поняла, что она…

— Почему ты сказала, что Ларо тебя спасла?!

— Потому что она меня спасла! — вот теперь София невольно повысила голос, даже брови сдвинула. — Хотя я и половины не помню, зато отчетливо помню, как меня собиралась снимать Ликарин Эстре, а эти… драконы, с позволения сказать, раздевали. Если бы не Ларо, которая их всех расшвыряла, я бы предстала в очень неприглядном свете. Для всех. И кто знает, что вообще было бы…

— Ты уверена, что она не хотела тебе навредить? — выплюнул Люциан. — Потому что когда я появился, держала она тебя с таким видом, будто хотела придушить.

— Или тебе просто хочется в это верить.

— Что?!

— Что слышал, Люциан! Ты же… — София прижала ладони к вискам. — Совсем с катушек слетаешь, когда речь заходит о Ленор Ларо! Тебя просто как подменяют, я не представляю, что с тобой происходит, но ты…

Она покачала головой.

— Почему ты так хочешь видеть ее злом?

— Потому что она зло и есть, — выплюнул Люциан. — Нельзя носить в себе темную магию и быть хорошим, годным человеком. Человеком… ха. Да она вообще непонятно кто! Откуда у нее темная магия, София, ты вообще думала? Ее мать наверняка что-то там намудрила. Помимо того, что чуть не угробила Керуана. Она…

— Люциан, стой. — София подняла руки. — Хватит. Я не хочу больше это слушать.

— С чего бы? Правда глаза режет?

— С того, что я тебе не враг, а смотришь ты на меня, как на врага! Просто потому, что правду сказала я. О том, что Ленор меня защитила, каким бы нереальным тебе это ни казалось! Каким бы нереальным это не казалось мне! Я понятия не имею, почему эта девушка так поступила! Но она поступила так! И говорить обратное я не стану, даже несмотря на все то, что было между ней и Софией раньше. Да и было ли что-то вообще? Я знаю все это только со слов Клавдии и ее подружек, а к ним, прости, у меня теперь доверия нет. Я все больше начинаю думать, что это я… вела себя странно.

Выпалив все это, девушка глубоко вздохнула и продолжила:

— Это тебе правда режет глаза, Люциан. Это тебя темная магия превращает в чудовище. Хотя в тебе ее нет ни капли. За все время, что ты здесь, ты даже ни разу не спросил, как я себя чувствую. Не то чтобы это разбило мне сердце, но знаешь… все равно как-то слегка обидно.

Последнее прозвучало как пощечина. Хотя нет — больше как хорошая такая, отрезвляющая оплеуха.

— Ты правда так считаешь, София? — процедил он. — Считаешь меня чудовищем только потому, что я ненавижу темную магию?!

— Темная магия — это не Ленор Ларо. И не твой брат. Подумай об этом. — Она подтянула одеяло повыше, словно замерзла. Хотя может быть, так оно и было, потому что София слегка дрожала. Он шагнул было к ней, но остановился, увидев немое «нет» в ее глазах. — Магистр Симран обещал погрузить меня в сон, который поможет исцелиться. Чем быстрее, тем лучше.

София сказала это сухо и скупо, как будто они не были друзьями. Будто не было всего того, что между ними было в последние месяцы.

— Поэтому уходи, Люциан. Уходи и позови его, пожалуйста. Если тебе не сложно. Или дай мне мою виритту.

Виритта Драконовой, а точнее, ее вместилище-артефакт, лежал на столике, где стояло множество склянок с зельями. Люциан покосился на него, потом — на дверь.

— Я позову, — сказал так же сухо, скупо и вышел.

Но в голове все равно звучали слова Софии: «Это тебя темная магия превращает в чудовище».

Соня

Она солгала: погружать ее в сон магистр Симран точно не собирался. Хотя бы потому, что вот-вот должен был прибыть отец. То есть отец Софии, конечно же, не ее. Своего Соня не знала. Не буквально, конечно — он присутствовал в ее жизни и жизни ее мамы постоянно, покупал им подарки, дарил цветы, но все это было не для них, а для него, для его оправдания себя — в его жизни была другая женщина. Женщина, которую он любил и к которой в конечном итоге все-таки ушел, спустя долгие годы. Женщина, разрушившая их семью, хотя Соня всегда

считала, что их семья идеальная. Поэтому да, она не знала своего отца ни капельки, а когда узнала, было уже слишком поздно. Она слишком поверила в то, что что-то для него значит.

Так же, как полгода назад поверила в то, что значит что-то для Сезара Драгона, который в конечном счете все равно женится на Женевьев, а ей… ей останется только стать той самой женщиной, которая постоянно, как шуруп, ввинчивается в чужую семью и гадит в чужое счастье, как голубь, обожравшийся хлебушка.

Такой женщиной она стать точно не сможет, а поэтому все нужно прекратить. Все нужно было прекратить, и Соня прекратила это еще тогда, когда согласилась стать «девушкой» Люциана, но увы. Стоило ей сегодня открыть глаза и увидеть склонившегося над ней Сезара, как она поняла, что ничего не прекратилось. Больше того, как тлеющая долгое время искра, полыхнуло так, что стало нечем дышать.

К счастью, поблизости был главный целитель Академии, магистр Симран, и задохнуться ей не грозило, но она отчетливо уловила этот момент. Этот, а еще первую мысль, которая пришла ей в голову: что он обо мне подумает? Ей было без разницы, что о ней подумает Люциан, а вот что подумает Сезар…

Как вообще можно быть такой безвольной?! Как можно продолжать любить того, кто вот-вот женится на другой?! Ладно, не вот-вот, но скоро объявят дату их свадьбы, через несколько дней, а дальше до нее останется только считать дни. Дни летят быстро, а Сезар не раз и не два давал ей понять, что не откажется от этого брака. Сильная светлая магия Женевьев способна не просто уравновесить его темную сторону, она способна показать всем, всему народу Даррании, что они в безопасности, когда рядом с правителем такая женщина.

Ну и вообще, политика, Соня, ничего личного.

Как же она устала! Устала ото всего этого, ото всей той лжи, которую приходилось таскать в себе день за днем. Для всех она потеряла память после дуэли с Ларо, и никто не знал, что же произошло в ту ночь на самом деле. Что на самом деле Софии Драконовой давно уже нет, а есть Соня Драгунова, которая потерялась в этом мире, как слепой котенок.

Потерялась бы, если бы не Сезар. Он натаскивал ее по магии, делал акценты на том, на какую теорию обратить внимание в первую очередь. Благодаря ему она не превратилась в рыбку, вяло открывающую рот на занятиях, а отвечала, как могла бы отвечать София Драконова, которая с рождения жила в этом мире.

Никто ничего не заметил. Ни Клавдия (хотя по большому счету, той было дело исключительно до себя), ни остальные «подружки». В той, другой жизни Соня никогда бы не стала с такими общаться, но разорвать все и сразу было бы очень подозрительно, поэтому она пыталась подстроиться. Носила надменную маску Драконовой, пыталась понять, что же ее связывает с этими девушками, кто такая София, как строится ее общение с родителями (правильный ответ — никак). Пыталась присвоить себе чужую жизнь, чтобы выжить там, куда ее забросила совершенно непонятная сила, ну вот и дописваивалась. Чего и следовало ожидать.

— София, — голос Сезара заставил вздрогнуть и сильнее натянуть на себя одеяло. Если в присутствии Люциана она дрожала от холода, то теперь ей стало невыносимо, удушающе жарко.

А ведь она почти доверила ему свою тайну… почти. Ему единственному. В тот вечер, когда он пригласил ее на ужин в родовой замок, чтобы честно признаться, что намерен связать свою судьбу с Женевьев. Что ее появление в его жизни, пусть даже такое спонтанное, после той злосчастной дуэли, ничего не меняет. Что он просто хорошо к ней относится, но не может предложить ей больше того, что уже есть. И в этом был он весь, Сезар Драгон. Правильный настолько, что аж песок на зубах скрежещет от такой правильности.

Тогда она высказала ему все, что думает, а сама убежала в лабиринт, где наткнулась на Люциана с бутылкой. На следующий день ей показалось правильным стать его «девушкой», она думала, что это поможет.

Не помогло.

В случае Сезара ничего не помогало.

— Я попросил магистра Симрана дать нам еще пять минут. Потом меня выставят отсюда, — Сезар приблизился, попытался накрыть ее руку поверх одеяла, но Соня метнула в него убийственный взгляд:

— Смотри, потеряешь фору. Женевьев далеко убежит.

— Сразу видно: с Люцианом пообщалась.

На миг Соне стало стыдно. Просто потому, что сейчас она лично заявила Люциану, что он слетает с катушек в присутствии с Ленор Ларо, а сама-то? Такое чувство, что рядом с Сезаром в ней включается что-то еще, что спит в остальное время.

— Я к тому, что нам с тобой не стоит общаться, — произнесла она, стараясь говорить спокойнее. Насколько это возможно. — Мы с тобой уже все решили, Сезар.

Решили в тот день, когда он на глазах у всех перекинул ее на плечо и уволок в портал, чтобы разобраться в ее «отношениях» с Люцианом.

— Решили, — он оперся ладонями о койку, на которой она лежала, — но я не могу так, София. Сегодня, когда я увидел тебя там… Я до сих пор готов порвать этих…

Сезар плотно сжал губы, но ему это не помогло. Сначала в темные глаза вплелось серебро, а потом — частицы неразбавленной тьмы. Темной магии, которую все так боятся… боятся, как огня. Она же, как огня, боялась своих чувств, чувств к этому мужчине. Боялась не выдержать, сдаться, согласиться на вторые роли, на то, чтобы стать шурупом. Потому что невыносимо было смотреть на него вот так и не пытаться коснуться лица кончиками пальцев. Не хотеть повторить острые скулы, вплести ладонь в густые темные волосы, почувствовать его губы на своих. А ведь они даже ни разу не целовались…

С ума сойти!

— Неважно, — сказала она неожиданно сухо. Во рту тоже было сухо, то ли от зелья, то ли от того, что внутренний жар высушил все. — Мы договорились. Ты дал слово. Между нами ничего нет и не может быть.

Она должна была это сказать. Кто-то должен был это сказать, пусть даже на миг исказившая его лицо боль незамедлительно отозвалась в ней. В самом сердце.

К счастью, пространство разорвал портал, но, вопреки всем ожиданиям, шагнул из него не магистр Симран, а ректор и ее отец. То есть отец Софии. Иван Драконов.

— Архимаг, возможно, вы принимаете поспешное решение… — негромко начала было ректор, но отец ее перебил:

— Это решение окончательное и обсуждению не подлежит. Моя дочь не будет учиться в Академии, где учится вместилище темной магии Ленор Ларо.

— Папа, она меня спасла!

Первое время называть этого мужчину отцом было странно. Особенно странно еще и потому, что для Софии высоченный, похожий на русского богатыря с картины Васнецова — широкоплечий, с густой темной бородой, мужчина тоже был чужим. Между отцом и дочерью не было особой близости, насколько Соня поняла во время недолгих визитов домой, а впрочем, между дочерью и матерью (матерью Софии) тоже.

То ли в семье Драконовых было так не принято, то ли это специально для нее повторяло ее семью: от Софии тоже откупались подарками, дорогими нарядами, всем самым лучшим, потому что больше нечего было дать. Ни ей, ни ее младшей сестре, которая в следующем году заканчивала школу и вроде как тоже собиралась поступать в Академию Драконова. Правда, теперь далеко не факт, что ей это позволят.

— Спасла? Что за вздор?! — Драконов хмыкнул. — Если эта девица разбросала напавших на тебя, это вовсе не значит, что она тебя спасала. Это значит лишь то, что у нее был

какой-то свой умысел, и я даже могу представить, какой. Втереться тебе в доверие, а после использовать твое влияние, чтобы еще прочнее укрепиться в Академии несмотря ни на что.

Соня открыла было рот, но Драконов рыкнул:

— Довольно! Я не стану больше слушать никаких идиотских оправданий касаемо Ленор Ларо. Ее мотивы как на ладони, но, похоже только для меня. И, похоже, благодаря особому покровителю, с которым она делит постель, здесь больше ни у кого не хватает духу говорить это прямо и называть вещи своими именами. Но если для тебя это простительно благодаря твоему возрасту, — он взглянул на Соню как на дитя неразумное, потом перевел взгляд на застывшую точеным изваянием драконессу, — то для вас, ректор Эстре, это первый тревожный знак. Очень тревожный. Особенно учитывая то, что я вхожу в попечительский совет и вынужден забирать свою дочь лишь потому, что вы отказались незамедлительно отстранить от занятий потенциальную угрозу для всех!

— Вы несправедливы. — В воцарившейся после его отповеди тишине голос Сезара прозвучал так резко, что Драконов на миг опешил. Изумление отразилось на его лице сначала приподнятыми, а после сведенными густыми бровями, что, впрочем, не помешало Сезару продолжить: — Ваша дочь должна была стать жертвой интриг, которые пресекла адептка Ларо. Если бы не она, пострадала бы и София, и ее, и ваша репутация.

— Видимо, та самая, — Драконов быстро пришел в себя, — которую вы всеми силами пытались и продолжаете пытаться разрушить. Вместе с вашим братом, тэрн-ар Драгон. Я ни слова вам не сказал, когда вы на глазах у всех утащили мою дочь в портал, оставив остальным додумывать, что было дальше. Ни слова не сказал, когда ваш брат вздумал быстро сменить невесту, заменив Ленор Ларо моей дочерью. Исключительно потому, что вы выручили нас в трудной ситуации. Но терпеть ваши вмешательства — особенно учитывая, что для моей дочери вы никто, я больше не стану. Думаю, не стоит напоминать, что вы больше не несете ответственность за Софию, а заодно и о том, что ваша ответственность теперь заключается исключительно в вашей невесте. Которая, к слову сказать, сейчас совершенно одна, что тоже не соответствует укреплению ее репутации.

— Я всего лишь говорю о том, что ваша дочь сейчас здесь, а не полуголая позирует в объятиях трех мерзавцев исключительно благодаря Ленор Ларо. — Глаза Сезара снова сверкнули, но не тьмой. Надо признаться, он отменно владел собой, и, насколько поняла Соня, во многом благодаря Валентайну Альгору. — Что же касается ваших заблуждений относительно моих намерений по поводу Софии, они только ваши, и ничьи больше. Я глубоко уважаю вашу дочь, и никогда не сделаю ничего, что ей навредит. Архимаг. Ректор Эстре. София.

Попрощавшись, Сезар вышел так поспешно, что впору задумываться, не поспешила ли она с выводами по поводу его контроля, но Соне было не до этого. Во-первых, на душе было гадко из-за случившегося. Во-вторых, последними словами Сезар ясно дал понять, что принял ее решение, что между ними действительно ничего нет и не может быть. И пусть она сама несколько минут довольно ясно об этом сказала, сейчас было невыносимо больно. Так, словно из груди вынули сердце и кинули в драконий огонь, где оно не могло сгореть окончательно, но продолжало пылать.

Возможно, именно поэтому услышав от отца:

— София, собирайся.

Она всего лишь слабо возразила:

— Но пап, я не хочу бросать учебу.

— Ты ее не бросишь. Будешь учиться дома в соответствии с программой, сдавать все необходимое, появляясь здесь в сопровождении моих лучших воинов. До тех пор, пока этот карнавал безумия не закончится и все не встанет на свои места. Что, я надеюсь, произойдет очень быстро. После окончательного рассмотрения дела Ленор Ларо.

Напоследок вперив в ректора гневный взгляд, Драконов кивнул, признавая за дочерью право на пять минут, чтобы прийти в себя и одеться, и тоже вышел. Что же касается ректора, она открыла портал в такой ярости, что чудом не снесла потоками воздуха половину зелий магистра Симрана на пол.

Оставшись одна, Соня обвела взглядом знакомый зал. Операционный, как его называли в лазарете, сюда привозили всех на осмотр. Просторный, светлый, чтобы было не только где поставить койки, но и где развернуться магистру Симрану, а также его помощникам. Высокие арочные окна возносились чуть ли не к самому потолку, витражные стекла сейчас были плотно закрыты, на стенах мерцали артефакты освещения и обогрева.

Соня хорошо помнила, как оказалась здесь в первый раз: растерянная, сбитая с толку, потрясенная. Только что она держала в руках фотоаппарат, только что они с Леной были вместе — и вот уже какая-то странная молния, их накрывает куполом, потом Лена ее отталкивает, и… в себя она приходит уже здесь. Рядом с Сезаром. Да еще и после магической дуэли!

Да, если бы не Сезар, она вряд ли бы справилась. Вряд ли влилась бы в этот диковинный мир, в котором не было Лены. Первое время она не хотела в это верить, искала ее черты чуть ли не в каждой встречной, даже в Ленор Ларо. Думала о том, как ей хотелось бы, чтобы Лена была здесь, и в то же время… как ей хотелось бы, чтобы с Леной все было хорошо в их родном мире. Она так зациклилась на этих двух крайностях, что чуть не побежала за Ларо, когда та брякнула «Алтарь Горбачева». К счастью, природная осторожность победила, а после вообще выяснилось, что местных Горбачевых тоже хватает.

Да что там, она несколько раз этих Горбачевых смотрела. Первый раз — после того заявления Ларо, второй — потом, когда опять окончательно все достало. Смотрела и думала, как было бы здорово, если бы Ленор оказалась ее Леной… но она не могла быть ее Леной, это и к лучшему. Такой судьбы не то что лучшей подруге, врагу не пожелаешь. Заговор родителей, пристальное и не самое приятное внимание окружающих…

И все же она ее спасла, и Соне очень хотелось сказать ей спасибо. Пусть даже половину воспоминаний кошмара, в котором она чуть было не оказалась, стерло зелье Клавдии — магистр Симран сказал, что та переборщила с попыткой ее ослабить и налила дозу больше, чем спровоцировала и потерю, и спутанность сознания. Короче, если бы не Ларо, Софии могло бы вообще не быть, потому что она отключилась бы в руках тех трех уродов, а они вряд ли побежали бы в лазарет. Ларо появилась вовремя, и это было главное воспоминание, которое ей нужно. Что бы ни говорил отец, Ленор сделала это не для чего-то там, а даже если и для чего-то… не суть. Соня действительно была ей благодарна.

Что же касается ее отъезда из Академии, возможно, так будет лучше для всех. Просто потому, что дома она точно не встретит Сезара. Не придется общаться с «подружками», с которыми категорически ничего не складывалось. Не придется притворяться, носить маску… по крайней мере, так часто, как сейчас. Посвятить все свое время учебе — почему бы и нет. По крайней мере, можно попробовать, а там видно будет.

Вздохнув, Соня откинула край одеяла и потянулась за браслетом с вириттой.

Глава 3

Лена

— С дороги! — мужской голос вознесся до таких высот, что мне показалось, от его дребезжания на меня вот-вот брызнет стекло из зеркала и из окон.

— Сбавьте тон, Равен. Ваша подопечная спит, а ваш визг поднимет даже упокоенного без темных ритуалов.

— О, насчет темных ритуалов не сомневаюсь! Что произошло с Ленор? Откуда у нее темная магия?! Это вы с ней сдела…

Дальнейший диалог схлопнулся: то ли потому, что Валентайн использовал cubrire silencial, то ли потому, что придушил моего опекуна. Мне искренне хотелось верить в первое, поэтому с постели я вскочила достаточно бодро, почти рванула уже к дверям, за которыми все и происходило, но вовремя опомнилась. Разумеется, я абсолютно голая, и в таком виде спасать Хитара как-то совсем не актуально. Метнувшись в ванную, набросила на себя халат, в котором утонула, затянула пояс до скрипа и все-таки вылетела в коридор:

— Доброе утро!

— Доброе, — отозвался Валентайн, хотя по его лицу было понятно, что он так не считает.

Что же касается Хитара, он был жив, а значит, cubrire silencial. Я облегченно вздохнула и поймала странный, тягучий и темный взгляд Альгора, а мой опекун смотрел так, словно разрывался между желанием меня укокошить, вытереть пол тряпочкой и забыть и желанием побыстрее где-нибудь спрятаться. Как, вот как, скажите мне, такой как Равен вообще мог стать архимагом?

Дядя беззвучно открывал рот, судя по искаженному лицу, пытаясь пояснить Валентайну, что в кубрирах больше нет надобности, и Альгор все-таки его снял, потому что до меня донеслось:

— … моя ответственность! — Осознав, что снова звучит, Хитар приободрился и скомандовал: — Ленор, немедленно приведи себя в порядок! Ходить в таком виде при мужчинах!

Знал бы он, в каком виде при мужчинах вчера ходила я… в смысле, при одном-единственном мужчине. На которого я сейчас перевела вопросительный взгляд, и который ответил мне непривычным для последнего времени холодом и непроницаемостью, за которой могло скрываться все, что угодно.

— После собирайся, и немедленно уезжаем. Мне нужно будет отвезти тебя в участок стражей…

— Зачем? — переспросила я, мысленно холодея.

— Затем, что все только начинается! Ты думаешь, ударила трех драконов темной магией, убежала из кабинета ректора — и на этом все?

— Равен, если у вас истерика, это не значит, что она должна быть у всех окружающих.

— Это не истерика, Альгор! Мне поручено привезти Ленор сегодня до обеда, в противном случае…

— Вам поручено, — издевательски произнес Валентайн. — Кем?

— Это. Мои. Обязательства, — Хитар начал цедить слова, выплевывая их так, будто пару недель не пил воду. — Я ответственен за эту девчонку, и я должен доставить ее в участок, в противном случае пострадает не только моя репутация, но и репутация ее брата, моего второго подопечного. Родители пострадавших драконов уже поставили на уши всех, я уже не говорю о…

— Вам лучше действительно помолчать, — на сей раз Валентайн перебил его так резко, словно отвесил пощечину. Надо отдать ему должное, он больше не пытался командовать мной

— например, отправить к себе со словами «посиди пока в комнате, деточка, взрослые мужчины без тебя разберутся».

Взгляд Хитара полыхнул яростью. Предназначалась она больше мне или больше Валентайну, или нам в равной степени непонятно, но он раздул ноздри и выдохнул:

— Собирайся, Ленор, или я лишу тебя содержания и откажусь платить за твое обучение!

— Какая трагедия.

Прежде чем я успела ответить, Валентайн открыл портал, а после швырнул туда моего дядю. За шкирку, как нашкодившего котенка. Темная материя, сомкнувшись, с чавкающим звуком сожрала остатки знакомого холла Ларо, Альгор же отряхнул руки с таким лицом, словно хотел их помыть.

— Прикажу, чтобы тебе принесли завтрак, Ленор. — Он вгляделся в мое лицо, словно хотел добавить что-то еще, но больше ничего не сказал. Развернулся, чтобы уйти, и мне пришлось схватить его за руку:

— Валентайн!

— Если ты о неучтивости в отношении твоего опекуна, я не в настроении сейчас об этом говорить, — резко произнес он. — Как, впрочем, и о чем бы то ни было еще.

Я отшатнулась от холодной колючести его слов.

— Хитар меня сейчас волнует в последнюю очередь, — ответила тем не менее. — Я хотела поговорить. С тобой.

— О том, что он сказал? Не беспокойся, Ленор. Я все решу.

Валентайн шагнул в свой кабинет, оставив меня с невысказанным: «Да нет же! О нас с тобой» и осознанием того, что он впервые назвал меня не моим именем. Точнее, впервые назвал им именно так. Два раза подряд.

Память упорно отказывалась сотрудничать на эту тему, но в голове упорно всплывали только ехидное «адептка Ларо», «не-Ленор» и «Лена», причем последнее звучало уже совершенно иначе. Глубже. По-другому. Я… даже не знаю, как. Что же касается Ленор, это было просто безликое имя, сорвавшееся с его губ пустым и холодным набором звуков.

Я поймала себя у его двери с занесенным для стука кулаком. К счастью, поймала. К счастью, разжала пальцы. И усилием воли отправила себя обратно в свою комнату.

Умываться и завтракать.

Как выяснилось, «умываться и завтракать» можно было долго, поскольку Валентайн сразу после нашего разговора ушел. Это мне сообщила все та же молчаливая девушка, которая была в его доме в прошлый раз. Правда, сегодня она не отказывалась со мной разговаривать, не изображала немую и не сбегала, стоило мне спросить — и девушка сразу же ответила:

— Архимаг Альгор ушел порталом и просил не беспокоить ни при каких обстоятельствах.

Да уж. За вчера его и так достаточно побеспокоили по моей милости. Сказать, что я не испытывала по этому поводу сожалений, я не могла, но и убиваться до бесконечности тоже не собиралась. Я действительно хотела с ним поговорить обо всем. В частности, о том, что на празднике вела себя как дура. Как дура в очередной раз залипла на Люциана и думала, что между нами что-то может быть. Как дура побежала сама вытаскивать Драконову, хотя могла сообщить Валентайну. Правда, в тот момент я об этом не думала, и, насколько я поняла, успела очень даже вовремя, поэтому переживать и мучиться по этому поводу тоже не собиралась.

Единственное, что меня сейчас терзало — так это то, что с Валентайном разговора не получается. То я засыпаю, то он уходит. Еще и изображает Альногарский ледник, одну из самых неисследованных областей этого мира, принадлежащую Даррании. По названию понятно, что очень холодную и очень ледяную.

После завтрака я позвала виритту-Эвиль и попросила ее связать меня с братом: нужно было, чтобы мне передали хотя бы какую-нибудь одежду, потому что здесь у меня был исключительно халат. Да, платье растворилось без следа, равно как и все, что под ним — я не представляю, что за магию использовал Валентайн, но его не было. То ли оно расщепилось на молекулы и растаяло, то ли что-то еще, но, как бы там ни было, выяснение природы этого заклинания было делом десятым. А вот одежду надо было раздобыть, и я, уставившись на виритту, ждала, пока Макс выйдет на связь.

— Ленор! — воскликнул он, стоило магической связи установиться. — Ты даже представить не можешь, что тут было! Как ты?

— Да нормально, — ответила я. — На самом деле я много что могу себе представить. Дай угадаю: Хитар был в ярости.

— Не просто в ярости. Таким злым я его еще никогда не видел… я хотел с тобой связаться сразу, как только ему сообщили, но Эвиль не отвечала.

— Наверное, Валентайн что-то сделал.

— Валентайн? Ты сейчас с ним?

— А где еще я могу быть?

— Хитар собирался тебя забрать.

— Не забрал. Как видишь.

— Ну и здорово.

Я приподняла брови.

— Здорово, потому что даже представлять не хочу, что он мог с тобой сделать, если бы не было Валентайна. — Макс нахмурился. — Правда все хорошо, Лен?

У меня никогда не было брата. Тетя Оля, наверное, меня любила… по-своему, но сейчас я почему-то впервые за долгое время почувствовала, как сжалось сердце. Если можно так сказать о теплом уютном чувстве, заставившем это самое сердце в груди стянуться. Или, наоборот, раскрыться? Ох, не сильна я в этих метафорах, и еще более не сильна во всех этих чувствах. Особенно родственных.

— Правда, — я почему-то поперхнулась, кашлянула и повторила: — Правда.

Говорить вот так, с помощью магической голограммы, когда я вижу полупрозрачного брата в 3D, а он так же видит меня, было странно. Не менее странно было и желание его обнять по-настоящему, потому что сближаться мы начали — ну когда там? И тем не менее сейчас мне казалось, что мы были вместе всю жизнь. Что росли вместе. Что вместе жили с этим невыносимым Хитаром и терпели его отношение.

Чувство-ощущение пришло и ушло, я улыбнулась:

— Вообще-то у меня к тебе просьба.

— Да? Какая?

— Хотела попросить, чтобы ты сказал Тирине собрать мои вещи — не все, несколько платьев, ну и всего что нужно нам, девочкам, она поймет — и отправить ко мне сюда. К Валентайну. Потому что, по всей видимости, я тут надолго…

— Именно так! — От раздавшегося за спиной брата рычания я подпрыгнула, а Эвиль и браслет Макса явили миру разъяренного, ворвавшегося к нему в комнату Хитара. — Ты сама отказалась от нормальной жизни, Ленор. А также от возможности общаться с братом! Не говоря уже о том, что одежду ты не получишь, это одежда, купленная на выделенное вам из казны содержание, которого ты не то что не заслужила, ты разрушила то доверие к имени Ларо, которое я пытался выстроить долгие годы. Тщетно! И, видимо, зря! Я запрещаю тебе приближаться к этому дому и к своему брату, и, если ты попытаешься это сделать — очень сильно пожалеешь!

— Что… — Макс не успел договорить — я увидела только, как Хитар сорвал с него браслет, и связь прервалась.

Как ни пыталась я «дозвониться» до брата, мне это не удалось. Видимо, опекун, чтоб его Лозантир скормил кому-нибудь вроде Дракуленка, отнял у него браслет. Еще и запер наверняка. Хорошо, если только запер! Мысли о том, что еще он мог сделать, как-то совсем не внушали оптимизма, я почти устремилась к дверям, но вовремя вспомнила, что в халате по улицам бегать не стоит. Не в Даррании так точно: если после случившегося в Академии меня могут упечь просто за наличие темной магии в какую-нибудь тюрьму, то после бегания в халате — точно упекут, но уже в другое заведение. А учитывая, что Валентайн сейчас занят…

С губ сорвался нервный смешок, да и в принципе юмор у меня сегодня был какой-то очень специфический. Темной магией, видимо, пропитался.

Поэтому, вспомнив, что произошло, когда я бросилась спасать Драконову, я несколько раз выдохнула и пообещала себе, что дождусь Валентайна. Хитар, конечно, тот еще драх, но вряд ли серьезно навредит Максу. Особенно учитывая особо пристальное внимание к семье Ларо после случившегося.

Валентайн, как назло, не шел, и я решила залезть в НЗ, он же неприкосновенный запас, он же магия Валентайна. Просто потому, что посчитала это хорошим таким жестом для начала нашего примирения, а еще потому, что ходить в халате постоянно меня не прельщало. Можно было влезть и во внутренний ресурс, но после случившегося я бы предпочла туда без постороннего присутствия не заглядывать, а то мало ли. Дыра на месте особняка темного архимага вряд ли поспособствует терпимости горожан и властей.

Иными словами, пытаясь отвлечься, я лазила по местному аналогу сети, оформляя заказы на платья, туфли, и белье. Благо, после той шоппинговой вылазки я отлично знала свои размеры во всех местах, поэтому могла покупать «онлайн». Можно было брать подороже — с магически подстраивающимися размерами, но я не хотела спускать много валентайновых «денег» и брала классику. Удивительно, как их магический аналог интернета работал — это было нечто очень похожее, только «на входе» встречал виртуальный консультант-виритта, помогал с выбором, водил между полками по реальному магазину! Короче, в моем мире сказали бы «до чего дошел прогресс».

Много всего я покупать не стала, так, самое необходимое, разве что с бельем переусердствовала. Помимо повседневных наборов заказала зачем-то умопомрачительно-сексуальный комплект черного цвета, тончайшее кружево, пояс, чулки. И вот он как раз был тем самым магически подстраивающимся, потому что принадлежал модному дому «Аринна Овэй». У них все было исключительно магически подстраивающееся.

Представив, что скажет Валентайн, когда увидит такой заказ… если, конечно, он его увидит, я почему-то опять покраснела и чуть не отменила доставку, но курьер уже его забрал. Так что пришлось сидеть и ждать.

Доставили все быстро, еще до обеда, а после я занялась примеркой, чтобы не думать думы о происходящем. Что еще эти курокозы там наплели? Что сейчас вынужден делать Валентайн, чтобы меня реально не забрали в тюрьму? А вообще могут? Я же Драконову спасла! Ну и… саданула трех драконов темной магией, да.

Время, как назло, тянулось как резиновое. Я уже успела перемерить все, что могла, а Валентайн так и не появился. Тогда я попыталась связаться с Ярдом, но ответа не было. Друг «позвонил» мне сам в тот момент, когда я мерила шагами комнату, припоминая себе предыдущий опыт спонтанных действий и вылазок. Исключительно для того, чтобы сейчас его не повторить.

— Привет, Ленор. — Он выглядел уставшим и помятым, и я без лишних слов поняла, что его тоже вызывали на допрос. Поэтому закусила губу:

— Привет. Все хорошо?

— Относительно. Дана и Джиа тоже были там… в общем, в участке стражей. Оказывается, они работали на Аникатию и Лузанскую. Поставляли им информацию.

— Как?!

— Вот так. И если за этих девиц горой стоят родители, то Дане с Джиа не так повезло. Не настолько у них влиятельные семьи. Короче, скорее всего, их отчислят.

Тут уже впору за голову было хвататься. Какое, блин, отчисление?! Конечно, девчонки тоже с головой не дружили, нашли с кем связываться, но они вряд ли знали про то, что собираются сделать с Драконовой. Не надо было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять, что их никто в планы не посвящал. Хотя и стоило на них разозлиться, я не могла. Просто потому, что их банально использовали. И подставили. Больше того, родственники Лузанской и уж тем более драконессы могут выставить все так, что это чуть ли не девчонки спланировали, а Катя с Клавой оказались жертвами коварных интриг. Сомнительная, конечно, история, но кого это волнует, когда у одной папа королевский советник, а у другой — просто богатый и наймет ушлых юристов?

— Я сделаю все, что смогу, чтобы этого не произошло, — постаралась утешить Ярда.

— Ты? Ленор, не смеши меня. Ты, конечно, девушка смелая, но тебе сейчас лучше о себе подумать. Твой… Хитар официально от тебя отказался, снял с себя всю ответственность. Но родители драконов там реально всех на уши поставили. Требуют не просто отчисления, а чтобы ты понесла наказание за применение темной магии.

М-да. Значит, с тюрьмой я не прогадала.

— Ты видел Валентайна? — тихо спросила я.

Ярд фыркнул.

— Нет. Кто ж меня пустит туда, где он. В общем, правильного ты покровителя выбрала, Ленор. Только он тебя и спасет.

— Ярд…

— Все. Счастливо.

Друг отключился по собственной воле, оставив меня в еще большем раздрае, чем было до этого. Очевидно, что он на меня злился и считал причиной всех бед, в том числе и отчисления, грозящего его лучшим подругам, поэтому пытаться поговорить с ним сейчас — бессмысленно. Лучше я сначала поговорю с Валентайном, в том числе о Дане и Джиа, и только потом «наберу» его снова.

Еще до рези в зубах бесило это его «покровителя», тем более что я никогда не рассматривала Валентайна в таком ключе. Да я только и делала, что бегала от него большую часть времени, а когда мы пошли на сближение… не знаю, что это было. Чувств во мне сейчас было столько, что вместо дома архимага реально могла остаться черная дыра, поэтому я на всякий случай нацепила браслеты, лежавшие на тумбочке, и села в позу лотоса.

Говорят, медитации позволяют успокоиться и успокоить то, что происходит внутри. Правда, я не особо в это верила, равно как и не пробовала особо, но что только не попробуешь, когда в голове и в сердце бардак.

Спустя минут пять я плюнула на это занятие, поскольку у меня то болела спина, то чесалась пятка, то волосы от попыток глубокого дыхания падали на лицо, щекоча подбородок и нос. За окном уже стемнело (привет, зимние сумерки), а когда ближе к вечеру Валентайн все-таки появился, я это почувствовала. Буквально почувствовала: как открылся темный портал, отозвавшийся во мне холодом покалывания и моей силы тоже.

Распахнув дверь, вылетела в коридор и без стука ворвалась к нему в кабинет.

Валентайн в самом деле был там, смотрел в подпространство — по крайней мере, пока не услышал меня. Когда он обернулся, я ударилась о его взгляд. Почти буквально, с тем же успехом можно было треснуться о скалу до звона в ушах и звездочек перед глазами.

— Я разрешал тебе входить, Лена?!

— Нет, но…

— Закрой дверь с обратной стороны, — холодно произнес он. — И жди, когда тебя позовут на ужин.

Глава 4

Дверь я действительно закрыла с обратной стороны: исключительно чтобы не наговорить лишнего, потому что очень хотелось. Очень-очень хотелось! То, что я вчера сделала, не настолько ужасно, чтобы все сейчас вели себя как последние драхи. Я, в конце концов, не просто поссориться и подраться вышла, чтобы показать, какая крутая. Спасала девчонку, которую хотели выставить в не самом лучшем свете, и выставили бы. Но об этом все благополучно забыли.

Сидеть и дуться мне тоже не хотелось, поэтому я трансформировала обиду и прочее в деятельность. То есть переоделась к ужину и составила список вопросов, которые мне нужно задать Валентайну. Не желает общаться нормально — его дело, будем общаться по-деловому. Исключительно по поводу того, что мне нужно знать, чтобы понимать, как быть дальше.

На ужин меня позвала та самая девушка, имени которой я так и не спросила: заглянула ко мне и сказала, что проводит в столовую.

— Как вас зовут? — поинтересовалась я, когда мы следовали длинными безликими коридорами.

Этот дом в принципе был безликим: несмотря на то, что он был огромным. В самом деле огромным, ему уступала даже городская резиденция Ларо, в которой хорошенько обосновался Хитар. Хотя все было чисто, коридоры не освещались, свет исходил от артефакта, который на раскрытой ладони несла служанка. Он же слегка подпрыгнул, когда я задала вопрос.

— Веннея. — Она опасливо посмотрела на меня, будто я — что?

Что я вообще могла сделать, зная ее имя? Кредит на нее взять? Или ее Валентайн так запугал?

— Рада познакомиться, — ответила я. — Ленор. Мне будет проще, если мы будем называть друг друга по имени.

«Чокнутая какая-то», — мелькнуло в ее взгляде, хотя может статься, мне так просто показалось, потому что служанка кивнула и быстро-быстро опустила глаза. Дальше мы вышли в просторный холл, раскрывающийся лестницей направо и налево, спустились по застеленной ковровой дорожкой лакированным ступенькам, отполированным так, что если бы здесь был свет, было бы больно глазам. Я даже не удержалась и потрогала перила: не прилипнут ли пальцы? Здесь все было новое, роскошное, но… неживое.

Это сложно объяснить, гораздо проще почувствовать. Так бывает, когда заходишь в квартиру, в которой долго никто не жил, или вообще никто никогда не жил, да и не собирается особо. Пустота. Холод. Безразличие. И это только первые ощущения, которые прятались в углах вместе с тенями, впитались в обои, в обстановку, в интерьер.

Я помнила, что Валентайн говорил про этот дом и про то, что в нем не бывает гостей. Но сам-то он тут жил? Или нет?

Даже окна были занавешены плотными шторами, ниспадавшими волнами, как в музее или в театре. Никто не мог бы увидеть, что здесь происходит, если бы не обладал рентгеновским зрением, не говоря уже о том, что жизнь — там, за окнами, при таком раскладе тоже было достаточно сложно рассмотреть.

Свернув направо, мы быстро дошли до столовой, и Веннея распахнула передо мной дверь, пропуская. В коридор брызнул яркий свет: в отличие от всего остального дома, эта комната была им заполнена до краев. Настолько, что места теням и темноте не осталось, а вот остальные его бессменные жители — Пустота, Холод и Безразличие, расселись по стульям за столом, рядом с которым стоял Валентайн.

Стоял, положив ладонь на спинку стула, в темном, на этот раз даже без вкраплений белого. Черная рубашка, черные брюки, черный жилет.

— Прошу Лена, — он отодвинул для меня стул, даже не оборачиваясь.

— Просишь? О чем? — попыталась разрядить обстановку. Не вышло.

После того, как помог мне устроиться за столом, Валентайн обошел его и оказался так далеко от меня, насколько это возможно. На противоположном его конце — при всем при том, что за этот стол можно было усадить человек двадцать. Легко.

Я почувствовала знакомое действие cubrire silencial и не удержалась:

— Может, стоило открыть портал? Ты бы ел здесь, а я в своей комнате.

— Обойдемся без порталов. Я пригласил тебя, потому что — предполагаю — что несмотря на всю свою недальновидность ты сейчас хочешь узнать, что произошло в участке и не только.

Я запила очередную обиду бокалом воды и мысленно пообещала себе, что не буду больше вестись на его провокации. Нет, правда не буду. Вообще. Совсем.

— Ты правильно предположил, — ответила в его тоне, достаточно холодно. — Но первое, что меня сейчас интересует — мой брат. Хитар отнял у него средство связи со мной и запретил нам общаться. Я хочу быть уверенной в том, что он не навредит Максу. С остальным разберусь потом.

— Твой брат, Лена? — Валентайн приподнял бровь. А еще от его едва уловимого движения пальцев крышка, прячущая мое блюдо, взмыла ввысь, и от горячего повалил пар. — У тебя нет братьев.

Не поддаваться на провокации. Не поддаваться на провокации.

— Есть, — я взяла вилку и нож, — и я задала тебе вопрос. Ты сможешь с этим что-то сделать, или нет?

— Все, что мог, я уже сделал. — Валентайн смотрел на меня, а по ощущениям — в третий глаз у меня на лбу. — В тот вечер, когда ты сбежала в неизвестном направлении, и все тебя искали.

— Я. Не. Сбежала. Я вошла в портал, в который меня отправила Асита Соровски.

— Кстати об Асите Соровски. Она выдвинула против тебя обвинения, что ты угрожала ей темной магией.

Нож скрежетнул по тарелке, и звук получился просто отвратительный.

— Что?!

— Обвинения также выдвинули родители трех… идиотов, которых ты приложила. — Даже несмотря на то, что Валентайн сидел далеко от меня, я увидела, как заострились его черты, превращая лицо в хищную маску. — Показания Драконовой играли важную роль, но Драконов отказался выдвигать обвинения против Лузанской, Эльдор, Эстре и остальных.

— То есть?! — вот теперь мне совершенно расхотелось есть.

— Дословно он сказал так: «Если мы сейчас будем подогревать распри между нашими детьми, мы дадим свободу основной и самой серьезной угрозе, которая подтачивает Дарранию изнутри. А именно — темной магии».

— А хорошие новости есть? — буднично уточнила я.

Настолько буднично, что Валентайн впервые за все время после нашего расставания в парке, когда он ушел в портал, улыбнулся искренне. Правда, только на миг, и в этот момент я поняла, что если хорошие новости и есть, то их мало. По крайней мере, в той концентрации дерьма, которая всплыла после всей этой истории. Насколько же надо ненавидеть или бояться темную магию, чтобы отказаться от обвинения в адрес тех, кто почти опозорил родную дочь? Да я бы им голову открутила и добавила еще, будь я на месте Драконова. Но я не на его месте. Я на своем.

— Хорошая новость заключается в том, что есть мое поручительство. Несмотря на всю истерику в вышестоящих рядах в том числе, я за тебя поручился, Лена. Теперь все, что происходит — моя ответственность. В том числе и то, что произойдет дальше, и как ты будешь

управлять своей магией, и как ты будешь с ней взаимодействовать. По большому счету, то, что произошло в парке — тоже моя ответственность. Я не должен был позволять тебе идти без браслетов и тем более оставлять одну.

Я обратила внимание на то, что к еде он так и не притронулся. В отличие от меня. А еще на то, что впервые за все время нашего знакомства он выглядит по-настоящему уставшим: темные круги под глазами, как после долгой бессонной ночи и последующего очень напряженного дня. Что там с драконьей магией самоисцеления? Или она только у светлых есть?

Мне вдруг захотелось сделать одну очень противоестественную вещь… или наоборот — вполне естественную? Подняться, подойти к нему, обнять. Поделиться силой. Ведь есть во мне что-то светлое. В смысле, та самая часть, что досталась мне от Ленор, а не пришла в этот мир стараниями Адергайна вместе со мной.

Вместо этого я просто сказала:

— Нет. Это моя ответственность. Я взрослая женщина, и вполне отдавала себе отчет в том, что делаю.

Спорный, конечно, вопрос. Особенно когда защищаешь кого-то или защищаешься, но…

— И я не хочу, чтобы это повесили на тебя. Я хочу, чтобы ты от меня отказался. Как это сделал Хитар.

— Сказала взрослая женщина, — прозвучало с того конца стола. — Которая вроде неплохо меня изучила. Которая знает, что я никогда от нее не откажусь. И вроде бы догадывается, что дело не в ней, а в возможности зубами выдрать на поверхность тему «какая темная магия плохая, сто тысяча и один способ причинить с помощью нее зло».

На этом уже улыбнулась я. Отчасти — потому что в привычный сарказм вплелось что-то едва уловимо теплое, но большей частью, кажется, потому что «я никогда от нее не откажусь» прозвучало гораздо интимнее и глубже, чем стопятьсот заверений в любви вместе взятых. По крайней мере, для меня.

— И что будет дальше? — спросила я.

— Завтра дашь показания. Это все-таки придется сделать. — Валентайн наконец-то смотрел на меня, а не сквозь. — Хорошая новость — еще одна — заключается в том, что завтра в участке не будет этой оголтелой толпы. Все они прошли сегодня.

— Вот видишь сколько хороших новостей, — попыталась зацепиться за эту мысль.

Ненадолго.

— На этом они и заканчиваются, — подвел итог Валентайн. — Слушание по твоему делу назначено на лето, состоится сразу после экзаменов. До этого ты продолжишь учиться в Академии, Лена. Под мою ответственность.

Да, про ответственность я уже поняла. Но раньше, чем успела задать вопрос о том, что она подразумевает, Валентайн добавил:

— С твоим братом все будет хорошо. Хитар не настолько идиот, чтобы причинить ему вред сейчас, когда к вашей семье снова такое пристальное внимание. Кроме того, я говорил с ним на этот счет, а храбрым Равен бывает только со слабыми женщинами и с подростками. Инстинкт самосохранения у него хороший, поэтому на этот счет можешь не волноваться. Большее, что мог сделать этот, с позволения сказать, архидрах — он уже сделал. Разлучил вас. Точнее, попытался.

Я подавилась морковкой, которую все-таки попыталась в себя запихнуть, пока горячее не остыло.

— Архидрах, — сказала, прокашлявшись. — Надо запомнить.

Валентайн не ответил, я буквально почувствовала, как между нами снова опускается этот полог отчуждения. Тот самый, что был сегодня утром, когда я вошла к нему в кабинет, когда появилась здесь. Его ненадолго развеяла магия откровенного разговора, но сейчас он снова набирал силу.

Ну уж нет!

Я поднялась резко. Подхватила блюдо и, преодолев с десяток стульев, поставила свой ужин рядом с его.

— Надоело, — сказала, глядя ему в глаза. — Смотреть на тебя оттуда.

А потом опустилась к нему на колени быстрее, чем успела передумать.

— Я голодная, — произнесла тихо. — Покорми меня.

Валентайн ощутимо напрягся. Настолько ощутимо, что я почувствовала себя так, будто села на камень.

— Как ты себе это представляешь, Лена? — спросил он.

— Представлять себе я это могу по-разному, — ответила я. — Потому что фантазия у меня богатая. Но предлагаю проверить, как это все-таки будет на самом деле.

На самом деле меня ссадили с колен. Причем так резко поднявшись, что я чуть не уехала под стол в лучших традициях комедийных фильмов — к счастью, не уехала, потому что меня за талию удержали, и на том спасибо.

— Ты была права. Нам лучше есть по отдельности.

— А ты, судя по всему, сыт, — впервые за все это время огрызнулась я и пояснила с милой улыбкой: — Потому что говна объелся.

У Валентайна сверкнули глаза.

— К твоей дерзости мне не привыкать.

— Да нет, тебе не привыкать к нормальному отношению и к нормальным отношениям! — Теперь меня прорвало: — Что опять не так? Да, я совершила ошибку. С Драконовой. Надо было позвать тебя. Но я растерялась. Я представляла, на что способны эти девицы, и я оказалась права! Надо было ее бросить? Возможно! Но я не смогла. Все случилось так, как случилось! Что теперь? Мне убиться или самостоятельно сдаться Лэйтору, чтобы заслужить твое прощение? Кстати, он точно будет счастлив! Странно, что еще не торчит у тебя под дверями с требованиями меня выдать.

Лицо мужчины закаменело.

— Я, кажется, обещал тебе, что Лэйтор больше к тебе не приблизится. И он больше к тебе не приблизится. Никогда.

— Что так? Ты его скормил призрачному стражу? — Я махнула рукой, не дожидаясь ответа. — Знаешь… каждый раз, когда я думаю, что между нами возможны нормальные отношения, ты выкидываешь что-то…

— Я? — очень тихо спросил Валентайн. — Я выкидываю что-то, Лена?

О. Ну да. И опять, и снова.

— Ладно. Я поняла, — подхватила тарелку, которую притащила к нему поближе. — У меня с говном не сложилось, а вчерашнее уже переварилось, поэтому, с твоего позволения, пойду есть к себе. И даже без твоего позволения пойду.

Я и правда направилась к дверям, но дойти не успела: словно врезалась в стену. Буквально. Хорошо хоть стена оказалась «мягкой» — похожие ощущения бывают во сне. Когда тебе очень надо куда-то попасть, ты бежишь, активно переставляешь ноги, а на деле не двигаешься, потому что они увязают непонятно в чем, а тебя неведомо какая сила словно держит на месте. Во сне одеяло, здесь и сейчас — темная магия. Все просто.

— Что? — переспросила я, понимая, что из этой «паутины» мне не выпутаться: по крайней мере, не с теми знаниями-умениями, которые у меня есть пока. — Ты еще недостаточно выказал мне свое недовольство? Свои претензии? Недостаточно поделился страшными и ужасными, кошмарными последствиями моего поступка? Ладно. Я готова слушать и даже готова молчать, только чтобы это быстрее закончилось.

Валентайн приблизился сзади: я это почувствовала даже быстрее, чем услышала. В роду у него, наверное, помимо драконов были кошки, потому что ходил он, когда того требовали

обстоятельства, совершенно бесшумно. И так же бесшумно творил все, что творил. В частности, положил руки мне на плечи, оказавшись настолько близко, почти вплотную, что это было гораздо более интимно, чем когда я сидела у него на коленях.

— Думаешь, мне есть какое-то дело до того, что произошло? — вкрадчиво поинтересовался он. — До мнения общественности? До того, что в очередной раз придется доказывать всем, что я не собираюсь рушить их мир? Мне плевать на то, что и кто обо мне думает, Лена. Большую часть своей сознательной жизни я кого-то не устраивал по той или иной причине. Отца — потому что не хотел поддаваться тьме. Дарранийцев — потому что во мне ее слишком много. Фергана — потому что я прямое напоминание о Тэйрен и о том, кто его старший сын наполовину. Так вот, мне плевать. На то, что они думают. На то, что они делают. В отношении меня. Мне не плевать на то, то что они хотят сделать с тобой, и чего я им определенно сделать не позволю. Но гораздо больше мне не плевать, что ты сейчас села ко мне на колени, чтобы забыть мальчишку, который сделал тебе очень больно.

Я дернулась, но темная магия держала крепко. Не Валентайн — его ладони касались моих плеч едва уловимо, но очень чувствительно. Особенно чувствительно через тонкую ткань платья, которое я сегодня купила. На его, между прочим, магию! И об этом я тоже хотела ему сказать, о том, что для меня это очень большой шаг. Я даже извиниться хотела. За то, что произошло, а оказалось… все дело в Люциане! В этой его ревности и собственничестве! Потому что он думает, что я — что? Продолжаю на него западать?! После того, что он сделал?! После того, как в меня чуть не прилетело светлой магией, когда я даже защититься бы не успела? Смешно!

— Это просто…

— Молчи, Лена. Я не закончил. Мне надоело довольствоваться объедками твоих чувств. Мне надоело быть запасным вариантом. И, как бы я ни сходил по тебе с ума — а я до сих пор схожу — до сих пор теряю контроль, когда касаюсь тебя или вдыхаю твой запах, — словно в подтверждение своих слов руки он убрал, — я не стану повторять этот опыт снова и снова. Я обучу тебя темной магии. Я разберусь с тем, что пытаются сделать Драконов и остальные.

— И что потом? — Мой голос дрогнул. — Купишь мне квартиру на Рублевке и «Порше Кайен», и больше мы не увидимся?

— Что?

Рублевка и «Порше Кайен», видимо, способны удивлять не только в нашем мире. По крайней мере, темная магия ослабла, и я смогла повернуться к нему лицом. Стоять с Валентайном лицом к лицу оказалось гораздо проще, чем чувствовать его за спиной. Чувствовать каждой клеточкой своего тела.

— Квартира рядом с Алой площадью и дорогая машина. То есть маджикар в переводе на этот мир, — я фыркнула. — Так обычно откупаются от любовниц в моем мире. Ну вроде как. Хотя не ото всех. Только от самых дорогих… гм… сердцу.

Сказать, что мне было обидно — значит, ничего не сказать. Он мог себя вести как угодно, а я один раз оступилась — и фиг с ним, оступилась даже по поводу Люциана — и все. Приговор без права на помилование. А еще не кто иной как Валентайн говорил мне, что больше меня не отпустит. Что я его.

— Ты говорил, что никуда меня не отпустишь, — повторила его слова. — Но сейчас просто сдался. Похоже, в этом мире у мужчин одна и та же история: они очень любят пиз… обещать, а потом сливаться по разным благородным и не очень причинам. Так и чем ты сейчас отличаешься от Люциана?

Ух, как его проняло! Потемнели до черноты не только его глаза, но столовая, которая только что была светлой. Начали выцветать краски и растворяться ощущения жизни. На мгновение. Потом все вернулось в норму. Валентайн сложил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз:

— Я не собирался от тебя отказываться, Лена. И к твоему предложению тебя покормить мы тоже еще вернемся. Когда улягутся чувства. Когда я смогу воспринимать тебя исключительно как… — он усмехнулся. — Дорогую сердцу любовницу.

Я не залепила блюдом ему в физиономию лишь потому, что действительно хотела есть. Впрочем, уже в следующий момент поняла, что у меня опять пропал аппетит, а еще — что при виде того, что сейчас лежит на блюде у меня теперь будет автоматически включаться режим «тошнота». Поэтому я аккуратно поставила тарелку на стол и, развернувшись, все-таки вышла за двери. Оставив за ней Валентайна и надежду на то, что между нами может быть что-то, не связанное с темной магией. Не связанное со светлой магией. Вообще никак не связанное с магией. Сильнее любой магии в мире.

Глава 5

Люциан Драгон

— … станут мужем и женой, — звучание камня роарана, говорившего голосом папочки, эхом разнеслось по залу и тут же утонуло в грохоте аплодисментов. Посвященных, разумеется, главной паре зимнего бала в королевском дворце, читай Сезару и Женевьев.

Брат стоял рядом с отцом, весь такой красавец в темно-синей военной форме, надежда и оплот Даррании, чтоб его. Не говоря уже о том, что эта надежда и оплот Даррании тоже носил в себе темную магию.

Ха.

Люциан залпом опрокинул в себя бокал дорнар-оррхар: на взрослом празднике полагаются взрослые напитки. Пока папаша не видит, можно и расслабиться. Главное не блевануть потом от сладких речей поздравлений, которыми зальют будущих мужа и жену. Хотя блевануть будет сложно, скорее, все от сладости слипнется.

А самое паршивое что? То, что поздравлять сейчас брата и будущую королеву нужно идти ему. После отца, который говорил о том, что безумно счастлив принять в их род Женевьев и все такое. После родителей Женевьев, которые, разумеется, рассыпались словами о том, как они счастливы в этот род войти. Еще бы они не были счастливы. Отец, судя по его настроению, надолго правителем не задержится. Спит и видит, как бы посадить на престол наследничка, а там… там и с помощью дочки можно будет поближе подобраться к правлению.

Тьфу!

Заложив руку за спину, Люциан приблизился к Сезару и Женевьев. С таким видом, словно его и правда тошнило, кисло процедил:

— Поздравляю, брат. Поздравляю, Женевьев. — По традиции требовалось ей поцеловать руку, вот он и поцеловал. Коснулся губами тонких, затянутых в жемчужно-белую перчатку пальцев.

Если можно было представить себе более правильную, более тошнотворную принцессу, то она сейчас стояла перед ним. В своем бледно-голубом платье, искрящемся, словно по ткани рассыпали крошку звезд. С золотыми, убранными наверх волосами, украшенными пока еще родовой диадемой.

Очень скоро она сменится диадемой принцессы.

Очень, очень скоро. Свадьбу назначили на середину лета, сразу после выпускных экзаменов и защиты на Полигоне Препятствий, которую в обязательном порядке проходят все выпускники военного факультета. Это время пролетит как один миг. По щелчку пальцев, а значит, уже летом Сезар станет мужем Женевьев и, с наибольшей вероятностью, отец отречется от престола в его пользу.

Тьфу еще пару раз.

— Благодарю, Люциан. — У Женевьев был на удивление низкий для драконессы голос. Взять ту же ректора Эстре, она тоже так… порыкивала, но это скорее сформировалось от привычки командовать сначала в семье, потом в Академии, потом всеми и вся. Что же касается Женевьев, он поднимался, казалось, изнутри нее, как поток огненного пламени. От него впору воспламеняться, как от дыхания дракона, решившего показать всю свою внутреннюю ярость. Глаза, словно противодействие этому огню — большие, светло-серые, как охлаждающая легкая пелена, затягивающая небо посреди знойного летнего дня. Взгляд решительный и прямой.

Да, с принцессой папочка точно не ошибся. Несмотря на свою видимую хрупкость, в этой девице однозначно была сила.

— На здоровье, — не удержался Люциан, и улыбка Женевьев погасла. А впрочем, какое ему дело до ее улыбок? Задерживаться здесь, посреди этого сверкающего великолепия, где все до тошноты знакомо и набило оскомину, он точно не собирался. С закрытыми глазами мог перечислить, кто из приближенных отца и с какими фальшивыми комплиментами будет приветствовать друг друга и его.

Тьфу десятикратно.

Поэтому, отпустив руку Женевьев, под тяжелым взглядом отца и брата, Люциан начал пробиваться по начищенному до блеска паркету к дальним дверям. Уходить, когда еще не закончились поздравления — не по этикету, ну да вряд ли его кто-то хватится, кроме двух королей. Настоящего и будущего, а как раз на них, на их мнение ему плевать.

По дороге он выцепил в толпе отца Аникатии. С поджатыми губами, он держался прямо, будто проглотил палку, буравил его ненавидящим взглядом. Мамаша бывшей подружки, цеплявшаяся за него как за последнее уцелевшее крыло, так смотреть не смела, переводила растерянный взгляд с мужа на Люциана и обратно. Общаться с ними он не собирался, особенно после того, что выкинула их дочь.

Аникатии здорово повезло, что в дело вступила темная магия, и ее подлость осталась в стороне, но самой сути это не отменяло. Папашиного советника обязали выплатить компенсацию Драконову, компенсацию Академии, самой же Аникатии было запрещено появляться на балах в течение полугода. С Лузанской была та же история, только у Лузанской еще было и предупреждение «до первой провинности», она вроде как продолжала учебу на испытательном сроке. Проще всех отделалась Эстре, но думать об этих девицах сейчас ему не хотелось.

Хотелось… а драх его знает чего.

С той ночи жизнь окончательно стала тусклой и пустой. Люциан пытался найти смысл, но не мог. Даже общаться с Драконовой не хотелось, да и София, насколько он понял, таким желанием не горела.

Люциан сам не заметил, как ноги привели к покоям младшей сестренки. Сегодня, в праздничную ночь, она из-за возраста не могла присутствовать на балу, да и не виделись они толком почти полгода. Пересекались пару раз за последние дни, поздоровались… а ведь раньше все было по-другому.

Раньше.

До Ленор Ларо, будь она проклята!

— Привет! — Люциан толкнул дверь и вошел, сидевшая на диванчике Нэв вскинула на него яростный взгляд:

— Стучать тебя не учили?

— Ладно, ладно, — он вскинул руки. — Не в духе? Даже несмотря на гору подарков?

Подарков действительно была гора. Сложенная у украшенной искрами артефактов стены в личной гостиной сестренки. По традиции, подарки укладывали в вечер перед Главной ночью зимы, а наутро раскрывали все. За ночь они должны были «напитаться» магией Тамеи и добрыми намерениями дарителя… бред, конечно, но традиционный бред. В этот раз Люциан даже не выбирал для нее подарок сам, просто заплатил слугам, поэтому понятия не имел, какого цвета коробка.

— Дело не в подарках, — Нэвьери сама поднялась, отбросила длинные рыжие волосы за спину, — а в том, что я не хочу тебя видеть.

— Вот как. Все еще дуешься?

— На что? — Девочка вскинула брови. — На то, что выбрал Ленор Ларо, а не меня? Или на то, что выбрал Софию Драконову, а не ее?! Брось, Люциан! Если дуться на каждый твой интерес, то можно лопнуть за пару секунд!

— Ха-ха-ха. — Он сложил руки на груди, приблизился к ней. — И давно ты научилась так разговаривать?

— Давно, — хмыкнула Нэв, отступая. — У меня было много времени, Люциан. Очень много, пока ты вспомнил о том, что у тебя есть сестра.

— Да брось. Я пришел к тебе, потому что не хочу проводить время с этими чванливыми идиотами. Мы же всегда были вместе, Нэв. Вместе против всех. Все как всегда.

Сестра покачала головой.

— Для тебя может быть. Для меня нет.

— Интересно, — раздраженно произнес Люциан. — Это еще почему?

— Потому что я больше тебе не верю. И если будет выбор между твоей компанией и одиночеством, я предпочту остаться одна.

От такого заявления он на миг опешил. Потом разозлился. Потом захотелось сказать маленькой дерзкой нахалке все, что он думает по этому поводу, но Люциан сдержался. Сунул руки в карманы. Кивнул.

— Как знаешь.

Развернулся и вышел, за дверями от души приложив кулаком камень до сбитых костяшек. Все разваливалось к драхам просто на глазах. Все — даже отношения с сестрой, в которых все было нормально до тех пор, пока не появилась Ленор Ларо. Точнее, пока она не вошла в его жизнь, разрушив ее до основания.

Ну да ничего.

Прислонившись к стене, Люциан поднял кулак с кровоточащими пальцами и прошептал исцеляющее заклинание. Сбитая кожа мгновенно порозовела, потом посветлела, а спустя минуту уже выглядела так, будто ничего и не было. Не осталось даже фантомной боли от удара.

Может быть, Ленор Ларо и разрушила его жизнь. Может быть, она и находится под защитой сильнейшего архимага Даррании, с которым — чтоб ее — спит! Но это не меняет того, что он сын Фергана, принц, и что в его силах вывести ее на чистую воду. Эту тихоню, которая долгое время водила всех за нос. Он сделает все, чтобы выяснить, откуда у нее темная магия, а главное — на что она на самом деле способна.

И вот тогда, когда ему все станет известно, он еще посмотрит, чья жизнь рухнет до основания.

Оттолкнувшись от стены, Люциан зло улыбнулся и направился в сторону, откуда пришел. Кажется, в нем даже появились силы терпеть весь этот праздничный драконизм. Но главное, что у него только что появилось — это цель.

Соня

Сейчас, наверное, уже объявили дату их свадьбы…

— София, ты снова не с нами. — Резкий голос отца заставил Соню вынырнуть из собственных мыслей и вернуться в реальность. То есть на праздничный ужин семейства Драконовых, так напоминающий знакомые по родному миру встречи Нового Года. Конечно, здесь были собственные традиции: например, не было никаких елок, дома просто украшали, подарки нельзя было раскрывать до утра, а ночью, после общения с семьей или бала, следовало уединиться, представлять и чувствовать свою магию, чтобы первородная сила Тамеи сделала ее еще мощнее.

— Дорогой, оставь ее в покое. — Мария Драконова обладала мелодичным высоким голосом и внешностью неопределенного возраста. То есть в ней легко угадывалась как молодая, недавно выскочившая замуж женщина, так и та, что провела там с десяток лет, как на каторге.

В основном первое, конечно. Единственное, о чем заботилась Мария — это собственная внешность. Магические уходы, постоянное посещение женских салонов, зелья, магическая коррекция внешности — в результате она выглядела едва ли старше, чем сама София. Не все в обществе это одобряли, но Марии было без разницы, что там считает общество. Она тряслась

над своей молодостью, как Кащей над яйцом, а все остальные шли мимо. Включая дочерей, да и, пожалуй, мужа.

С Иваном ее мало что связывало, кроме брака и общих детей. То, что у Драконова тоже есть любовница, Соня догадалась сразу. Что же касается Марии, ей, кажется, хватало восторженных взглядов мужчин всякий раз, как она выходила на улицу или когда устраивала балы и приемы. Но поручиться за то, что та блюдет верность, София тоже не смогла бы. Марию сложно было понять.

Светловолосая, тонкая, она порхала по жизни, благодаря богатству и влияния мужа не зная проблем. Покупала себе драгоценности, дорогие платья и аксессуары, посещала светские мероприятия, и… на этом, пожалуй, все. Ее вторая дочь и сестра Софии, Алина, была точной копией матери. Не только внешне. Временами Соне казалось, что все, что Алину интересует — это новые коллекции современных дизайнеров и как еще она может уделать подружек нарядами или украшениями.

Да, и возможно самую чуточку ее волновали подготовительные курсы и поступление в Академию, потому что «там столько красавчиков»!

— Праздничный ужин — время побыть с семьей, а не наедине с собой, — пророкотал Драконов. — Для этого будет время чуть позже.

— Ты слишком строг, — снова пропела Мария. — К тому же, праздничный ужин почти завершен, остался только десерт. К которому я, увы, не смогу присоединиться.

— Я тоже, — тут же подхватила Алина, когда слуги принялись убирать со стола лишние блюда.

— А я буду. Может, даже две порции, — Соня сама не знала, зачем это сказала. Из вредности, наверное: потому что у Марии вытянулось лицо, а Алина скривилась. Ну да, она всегда так смотрела, когда Соня за обе щеки уплетала сладости, совершенно не переживая, что это где-то там отложится.

— Ты так сильно изменилась после этой дуэли… — надула губы сестра.

— Алина! — одернула ее мать. — Мы не говорим об этом.

Хотя слуги с подносами уже вышли, а с десертами еще не зашли, Мария гневно сложила салфетку и в упор посмотрела на младшую дочь:

— Мне казалось, мы все обсудили!

— Прости мама, я забыла.

— Главное — не забудь это в каком-нибудь другом месте, — поддержал Драконов. — Иначе пострадает не только репутация твоей сестры, но и наша, и твоя собственная.

Алина быстро-быстро закивала, а Соня с трудом подавила смешок. Ну какой толк лишать себя десертов в таком возрасте? Да еще и в таком теле? Иногда у нее возникало ощущение, что миниатюрную сестрицу не уносит порывами ветра исключительно благодаря тяжести нарядов, туфелек и драгоценностей. И то, потому что Мария просит нашивать на платья дочери побольше камней. А вот с формой Академии может выйти беда.

Беда-беда-огорчение.

Представив летящую над шпилями Академии Драконова сестру, Соня не сдержалась и фыркнула.

— Ничего смешного! — по-своему истолковал ее смех Драконов. — Ты и впрямь стала слишком легкомысленна, София.

Соня вздохнула. И опустила голову.

Как раз в тот момент, когда над городом знатно громыхнуло.

— Фейерверки! — воскликнула Алина и, рискуя заработать еще одно замечание, выскочила из-за стола и бросилась к окнам.

Соня последовала ее примеру, на ходу привычным пассом приглушив неяркое освещение гирлянд, погружавшее столовую в праздничную атмосферу.

За окнами расцветали цветы, раскрывали крылья драконы, вырастали очертания дворцов и башен королевского фейерверка. Здесь шоу сопровождалось не только выстрелами из пушек, но и магией, и в сочетании получалось самое что ни на есть настоящее представление. Только над королевским дворцом, должно быть, все выглядит иначе. В том, что находится в предместьях Хэвенсграда. У них наверняка свои фейерверки, и свой повод праздновать. Возможно, сейчас над дворцом в небо взмывают фигуры Сезара и Женевьев, и над ними рассыпаются золотом искры силы правителей.

Закусив губу, Соня отошла от окна, вернулась за стол.

Как раз в этот момент снова вошли слуги, которые несли десерты и все, что полагалось подать к ним. Она не удержала тяжелый вздох, и это не укрылось от внимания матери.

— Что такое, София?

— Все в порядке, — попыталась отговориться она. Не получилось.

Отец «вернул» праздничным украшениям яркость, слуги расставили десерты и, разлив ранх по чашкам, вышли.

— Могу представить, о чем она думает, — негромко произнес он. — Сезар Драгон, верно?

Соня вздрогнула.

— Нет, — вышло слишком поспешно.

— Ах, этот мальчик… — Мария улыбнулась. — Потрясающий. Из них с Женевьев получится такая прекрасная пара! А там сейчас наверняка бал такой красоты!

Эмпатия минус сто пятьдесят, уныло подумала Соня, вяло ковырнув десерт ложечкой. Есть сладкое, даже такое аппетитное на вид, с густой кремовой пенкой, расхотелось совершенно.

— Вот только нас на него не пригласили, — надула губы Алина. — Потому что драконы всегда смотрели на людей свысока… даже на таких, как мы.

— Это правда, — поддержал Драконов, нахмурившись. Черты его лица стали жесткими, а ноздри расширились. — Несмотря на то, что все их отпрыски учатся в нашей Академии. В Академии, которую основали наши предки.

— Ах, ну что толку об этом говорить? — снова улыбнулась Мария. — Завтра у нас будет свой бал. Приедет родня, столько именитых людей. Рада, что ты все же решил пригласить архимага Равена и его воспитанника.

— Равен не виноват в том, что учудила его сестра и ее дочь.

— Ее дочь меня спасла, — напомнила София, мгновенно вскинув взгляд.

— София! — гаркнул Драконов.

— Что? Я говорю правду!

— Правда еще и в том, что темная магия опасна и непредсказуема. Особенно когда она в девчонке, дочери предателей. Не говоря уже о том, что непонятно, откуда она вообще взялась, ну а кто это поддерживает — вполне понятно.

— Ты говоришь прямо как Люциан. Вот только ему восемнадцать, а тебе…

— София! — на этот раз ахнула мать.

— Выйди из-за стола. — Голос Драконова прозвучал как рокот вулкана. — И отправляйся к себе. До тех пор, пока не извинишься и не сообщишь, что в твоем возрасте уже понимаешь, как говорить со старшими.

— Иван! — теперь Мария с мольбой посмотрела на мужа, а вот Алина ехидненько улыбалась.

— А знаете что? С удовольствием? — промокнув губы салфеткой, Соня отложила приборы и поднялась. — Находиться в обществе лицемера, не способного даже поблагодарить за спасение собственной дочери…

— На бал завтра не идешь! — взрычал Драконов.

— Неужели меня постигло такое счастье?! Спасибо! — последнее Соня выдохнула с улыбкой, а после, чтобы не доставлять удовольствия некоторым собравшимся, быстро покинула обеденный зал.

Первое время она путалась в этом действительно огромном доме. Трехэтажный особняк семьи Драконовых в Хэвенсграде напоминал о музеях родного города. До Зимнего, конечно, не дотягивал, а вот до Екатеринского вполне. Соня вообще первое время не могла взять в толк — к чему семье из четырех человек такая роскошь? Потом привыкла. К тому, что для Драконова роскошь — не средство насладиться жизнью, а средство утереть нос другим. Точно так же, как для Марии и Алины наряды, драгоценности, статус, которым они кичились, выпячивая его направо и налево.

Вот и завтра на балу, на который прибудут родственники и именитые семьи, с которыми близко общались Драконовы, из Хэвенсграда, изо всех уголков Даррании, именно это и будет демонстрироваться весь праздник. Смотрите, кто вы, а кто мы.

Бе-е-е-е-е!

Соню даже перекосило при мысли об этом, поэтому она ускорила шаг. И ничуть не покривила душой, когда благодарила за возможность не показываться на этом балу. Ей хватило празднования в честь дня рождения Алины, где Драконовы смотрели на всех свысока, а все остальные — им в рот, в надежде добиться расположения. Те, кто в рот не смотрел, на семейные праздники не допускались.

Поднявшись к себе, Соня первым делом заперла дверь, глянула на сложенные под украшенной стеной подарки и поежилась. Подарки от незнакомых людей. От тех, кому нет до нее никакого дела. Наверняка роскошные. Безумно дорогие. Такие, каких она в прежней жизни даже не видела, несмотря на то, что у мамы был свой бизнес и отличный доход. Вот только если бы была возможность вернуться домой, к маме. К Лене. Туда, где сейчас мама наверняка сидит за праздничным столом… одна. Совершенно одна. Сидит и вспоминает о прошлой ночи, когда они праздновали втроем.

Мама, она и Лена. Тетю Олю тоже приглашали, но она отказалась.

Тем не менее втроем было так уютно, а теперь…

Соня уже бессчетное множество раз думала о том, что случилось с ее телом в родном мире, и ничего хорошего на ум не приходило. Точно так же, как ничего хорошего не приходило на ум при мысли о том, как это переживают мама и Лена. Отцу-то без разницы, у него уже двое новых детей, мальчики-близнецы.

При мысли об этом по коже прошел мороз, и Соня обхватила себя руками. Казалось бы, сколько времени прошло. Боль должна была утихнуть, но она не утихла. Напротив, разгоралась, с каждым днем становилась все ярче и ярче, то вспыхивая совершенно беспочвенной надеждой, как тогда, с Ленор Ларо и Горбачевым, то оборачиваясь пустотой и тоской. Как сейчас.

Неужели так будет всегда?

Сбросив ненавистные туфли на каблуке («Девушка должна ходить только на каблуках. Запомни, София». (с) Мария Драконова), Соня приблизилась к высокому подоконнику и забралась на него. Морозные узоры предыдущих нескольких дней сошли, сегодня потеплело. Потепление немедленно отметилось густым снегопадом и сугробами, совсем как в родном Питере.

Вот и сейчас снова начинали падать крупные хлопья: видимо, действие погодной магии после запуска фейерверков сошло на нет. С каждой секундой пелена снега становилась все гуще, гуще и гуще, выбеляя темную праздничную ночь. Окна Софии Драконовой выходили на парк, небольшой по представлениям Марии, но в действительности не уступавший размером Юсуповскому. Там даже пруд был, сейчас покрытый тонкой корочкой льда. К завтрашнему

утру ее укутает покрывало снега, вот только не под одним покрывалом не согреться от того, что ты одна во всем мире.

— Хочу увидеть Лену, — прижавшись лбом к холодному стеклу, пробормотала Соня. — Хотя бы еще раз. И маму. Не знаю, кто ты такая, Тамея, но, если ты создала это все, разве не можешь такую малость?

Насчет малости, конечно, можно поспорить: все-таки подруга и мама остались в другом мире, и все же Соня зажмурилась, всем сердцем желая, чтобы это сбылось. В новогоднюю ночь, пусть она и не новогодняя, и в Даррании, все исполняется. Не под бенгальские огни и бой курантов, но хоть так. Может же так случиться, что она проснется в своей постели? Если уж однажды оказалась здесь.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — мысленно повторяла она до тех пор, пока не заболели от долгого прищура глаза.

Тогда Соня приоткрыла один и, увидев всю ту же привычную обстановку комнаты Драконовой, глубоко вздохнула. Хотя весь этот мир был похож на сказочный, пора бы уже привыкнуть к тому, что сказок не бывает. А если и бывают, не все они заканчиваются хэппи-эндом.

Как, например, с Сезаром.

— С Новым Годом, мама. С Новым Годом, Лена, — искренне пожелала она.

Пусть они ее не слышат, и вообще непонятно, какое там сейчас в родном мире число, но так хоть немножечко стало теплее.

Спрыгнув с подоконника, Соня еще раз взглянула на густой снег за окном и отправилась в ванную.

Глава 6

Лена

Да, не так я себе представляла зимнюю праздничную ночь в другом мире. Хотя по большому счету, я ее вообще никак себе не представляла, для меня Новый год — это Новый год. Время семьи. Время чудес. Моей семьей была Соня и ее мама (когда-то даже и папа), при всем при том, что тетя Оля была мне родней, родной она мне не стала. Поразительно, но стал Макс. Гораздо быстрее, чем можно себе представить, и сейчас я в пятнадцатый раз пыталась с ним связаться: просто не верилось, что Хитар ему так и не вернул браслет. Хотя с этого архидраха станется.

Можно конечно было пристать к Валентайну, настоять на встрече с братом, но приставать к Валентайну мне больше не хотелось ни в каком смысле. По крайней мере, не в ближайшее время. Мы с ним виделись исключительно по делу: когда ходили в участок, потом — когда занимались магией. Даже перед праздниками он с меня не слез в плане занятий. Может, и правильно. Во-первых, моей магией надо заниматься, и заниматься основательно, а во-вторых, она позволяла отвлечься от всяких лишних мыслей.

Например, о том, что мне не надо бегать по магазинам, покупая подарки Соне, ее маме и тете Оле. Хотя на что бы я их покупала? На магиньги Валентайна? Нет уж, спасибо. Я даже ту одежду, что купила, использовала в очень ограниченных количествах. Спустя сутки, правда, у меня ее стало в два раза больше. Только зимних пальто три штуки и с десяток пар зимней обуви, не считая прочего. Прочего — это того, в чем можно ходить по дому или выходить на улицу и даже в свет. Валентайн дал задание кому-то из слуг, вот меня и обеспечили всем по полной. Я аккуратно поставила коробочки в шкаф, многие даже не распаковывая.

Тот комплект, который купила — невероятно красивое белье, тоже запихала поглубже в комод. Сейчас сидела на диване, глядя на расставленные на столике угощения: мне накрыли стол в моей комнате, и, как назло, в меня ничего не лезло. То ли не надо было много есть перед праздничным ужином — а во время «полуденного чая» на меня просто напал жор, то ли в одиночку не елось.

Валентайн мне не отчитывался, но я знала, что он не празднует дома. Он ушел ближе к вечеру — тогда, когда как раз принято уже потихоньку садиться за стол, причем ушел по-английски и по-настоящему. Не в портал. Не сказать, что я сталкерила, но случайно увидела, как он выходит через парадную дверь своего огромного пустого дома. Весь при параде: волосы зачесаны назад, пальто развевается за спиной, как крылья дракона. Прямо хоть в кино его снимай. В рождественской мелодраме, потому что в руках у него была коробка.

Красивая такая подарочная коробка с бантом. Блестящая.

Что в ней, я не представляла, но подарок явно предназначался женщине. Вряд ли такую коробку понесут мужчине, и это было обидно. В смысле, не за гипотетического мужчину, конечно, а за то, что это подарок женщине. И даже не за то, что это подарок женщине, а за то, что он не мне. Хотя мне было грех жаловаться — меня завалили одеждой, обувью и всем чем только можно, но… Но.

Поэтому я сидела, пялилась на еду, на давно пропузырившееся дорнар-скар и задумчиво считала до ста и обратно. В надежде на то, что Макс все-таки мне ответит или, хотя бы, что я наконец засну. Сна, как назло, тоже не было ни в одном глазу. Оставалось только пихать в себя еду или примерять наряды.

В этот момент мне отчетливо представилось, какой могла бы быть эта ночь, если бы Валентайн тогда не заполз в свою черную драконью ракушку. Или если бы я не пошла спасать Драконову. Или если бы не осталась на балу, потому что никак не могла понять, что у меня

с Люцианом. Или если бы… Этих «если бы» было столько, что ум за разум заходил, но я все равно представляла, как мы с Валентайном сидим в столовой, за тем большим столом. Мерцают магические гирлянды, музыкальный артефакт поет легкую мелодию, горят свечи. Потом Валентайн приглашает меня на танец…

Тьфу ж ты! Где я только такой романтики набралась.

Решительно отбросив все лишние мысли, я встала с диванчика и пошла заниматься тем, о чем подумала. От скуки я сегодня сделала себе праздничную прическу. К счастью, не как в первый раз, а нормальные локоны с помощью бытовой магии. Укладка не блистала оригинальностью, но было красиво. Так же, как и легкий макияж, который я создала с помощью любительского холста.

Конечно, до таких высот, как мне делала Имона, моему творению было как магическому светлячку до местных лун, но в целом получилось миленько. Миленько, симпатично, в сочетании с темно-синим, праздничным платьем, перехваченным пояском на талии. Ткань его искрилась так, будто на него просыпали крошку, впитавшую холодный свет всех трех лун, а еще были туфли на каблучке.

Да, я определенно не ждала, что Валентайн все-таки зайдет поздравить меня. Просто поздравить.

Но он сейчас в другом месте, и у него там… совершенно другого рода поздравления.

На этом я резко рванула поясок платья и принялась раздеваться. Идея покрасоваться в нарядах, чтобы не сходить с ума от скуки и не ворочаться в постели, мучаясь бессонницей до утра, пришлась в тему. Я перемерила все платья, которые купила, выпила несколько бокалов дорнар-скар (к счастью, эта штука действительно не пьянила). К еще большему счастью, под дорнар-скар пошла и еда, а после я все-таки включила музыку.

Кто сказал, что если меня не приглашают на танец, я не могу танцевать?

Могу. Еще как!

В голову пришла совершенно хулиганская мысль, и спустя мгновение я уже красовалась перед зеркалом в том самом комплекте. Кружево мягко ложилось на грудь, полосочка, что называлась трусиками, закрывала разве что ну самое стратегическое, а пояс с чулками дополняли образ на пять с плюсом. Вот что значит белье, которое не чувствуешь. Я видела себя в отражении в нем, но мне казалось, что я раздета. Что полностью обнажена.

Правда, я все-таки его почувствовала, когда вскинула руки, чтобы повернуться в танце. Оно скользнуло по коже легкой и невесомой лаской, как перышко. И так — на каждом движении. Закрыв глаза, я плыла в этом калейдоскопе чувственных ощущений и музыки, в которую вливалась всем телом. Не знаю, насколько удачно. Я просто чувствовала. Просто двигалась. И мне впервые за все время было удивительно спокойно, так хорошо…

— Прекрасно, Лена, — низкий голос Валентайна прозвучал как внезапный сильный чужой аккорд.

Я остановилась так резко, что пошатнулась на каблуках. Открыла глаза и поняла, что стою в каких-то миллиметрах от архимага.

Наверное, если бы меня застали за чем-то гораздо более интимным, я бы и то не отреагировала так. Сейчас же просто размахнулась и влепила ему пощечину. Сама испугалась того, что сделала, попятилась. Правда, недалеко: ладонь Валентайна властно легла мне на талию, притягивая к себе.

— Ну что же ты, Лена, — низко и хрипло произнес он. — Драться так драться.

Я даже пикнуть не успела, успела только рассмотреть отпечаток ладони у него на щеке, а в следующий момент жесткие пальцы вплелись мне в волосы, потянули вниз, заставляя запрокинуть голову. Я бы дернулась, но Валентайн держал крепко. Держал, а еще обжигал совершенно беззащитную шею горячим дыханием, почти касаясь ее губами. Меня даже от одного этого бросало в дрожь, не говоря уже о том, что будет, если он все-таки меня поцелует. Я не

могла видеть его взгляд, но дикие, расходящиеся от него животные волны накрывали с головой, я и чувствовала себя в точности так же, как под водой, на безграничной, затягивающей глубине, где не остается ни лучика света, ни дыхания. Только пульс стучит в ушах.

— От… пусти, — к счастью, на самом деле мы были не под водой, и я сейчас могла выдохнуть. — Отпусти, Валентайн. Мне страшно.

Страшно мне стало, когда он вскинул голову. Наверное, такой голодной тьмы в его взгляде я не видела никогда. Такого голода. И такой тьмы, когда даже растягивающиеся на манер звериных зрачки теряются в темноте. Еще у него на скулах начинала серебриться чешуя, проступая на коже тонкими, пока что полупрозрачными пластинками. И это было красиво!

Настолько же красиво, насколько пугающе. Завораживающе.

— Ты меня не боишься, Лена, — произнес он. — Как бы ты ни старалась это скрывать, ты меня не боишься. Только ты одна.

— Я не…

Мои губы запечатали поцелуем. Таким яростным, сильным и быстрым, что вслед за ним я ушла под воду еще быстрее. Настолько глубоко, что теперь не осталось даже возможности вдохнуть. Или закричать. В ушах по нарастающей бился пульс, пробиваясь сквозь звон глубокого погружения, а губы вплавлялись в его, и не осталось ничего больше кроме этой сумасшедшей раскрывающей мой рот ласки.

Кроме прикосновения грубой ткани его пальто к обнаженной коже, к белью, которое только что я совсем не чувствовала, а сейчас ощущала, как оно касается всех самых сокровенных мест на моем теле.

Я вцепилась в лацкан его пальто, Валентайн подхватил меня на руки. Или, точнее будет сказать, под бедра. Теперь все выглядело так, будто его целую я, хотя ритм, темп и напор давящих на мои снизу губ говорил об обратном. Его язык сплетался с моим, всей кожей между разведенных бедер я чувствовала жар и… пустоту. Пустоту, которую отчаянно хотелось заполнить.

Настолько отчаянно, что я содрогнулась при одной лишь мысли о том, как это будет. Сладко, и так сжалась, что перед глазами вспыхнули звезды и все поплыло.

Оргазм может случиться от поцелуя?

Меня опрокинули на постель раньше, чем я успела подтвердить или опровергнуть эту теорию. Прохладное покрывало, горячая кожа и его руки, скользящие по моему телу. Чешуи на скулах стало еще больше, а тьмы в глазах хватило бы на весь Хэвенсград. То, как Валентайн провел ладонями по всему моему телу — властно — от плеч, по груди, цепляя ставшие острыми соски, по животу и ниже, сдвигая белье, то, как он на меня смотрел — хищно, пристально, жестко и жадно, все в нем говорило: «Моя».

Ему даже не нужно было повторять этих слов, но он все-таки их повторил:

— Ты — моя, Лена. Моя и ничья больше, запомни это.

Слова воспринимались как что-то из другого мира — далекие, доносящиеся сквозь толщу воды. А его прикосновения, пальцы, застывшие на моих бедрах, словно клеймили, обжигая не то льдом, не то пламенем. Я приподнялась, потянулась к нему, положила ладони на грудь, чувствуя, как под ними колотится сердце. Его сердце. Настоящее. Живое. Хотя большинство в Даррании считают, что сердца у него нет. Да что там, я сама так считала.

Я тянусь вперед, и в этот момент в моей голове раздается отчаянный, дикий визг: «Не смей этого делать! Не смей! Слышишь!» Голос высокий на крике и в то же время до боли знакомый.

Мой?!

Осознание этого становится последним, что я слышу: сознание взрывается, как лампочка. И наступает темнота.

Глава 7

Как Новый год встретишь, так его и проведешь. Даже не удивляюсь, что у меня в голове первой всплыла эта мысль, а второй — что я весь последующий год буду трахаться и слышать голоса в голове. Даже не знаю, какая перспектива заводит меня больше. Даже не знаю… А еще не знаю, откуда во мне столько цинизма. Предсказуемо разлепив веки в одиночестве, я поняла, откуда. Все мои чувства, которые я разрешала себе испытывать, оборачивались полной жо… и ладно бы только романтические порывы.

Я любила родителей. Они умерли.

Я влюбилась в Земскова. Он оказался козлом.

Я влюбилась в Люциана. Та же история, с поправкой на крылатость и размеры. Правда, козел он и в Африке козел, в смысле, в Даррании. Ну вот и пусть себе летает.

У меня была лучшая подруга — с ней случилось непоправимое. Из-за меня.

Теперь я вроде как поверила в то, что могу… быть счастлива с Валентайном? Что?! Вот прямо так, с такими интонациями — Ч.Т.О?! И в итоге после страстного лапанья и отключки благополучно просыпаюсь утром в своей постели. Одна. Между прочим, после потери сознания — после чего? Меня-таки догнало межмировыми перемещениями, и я схожу с ума? Во мне завелась субличность Елена Петровна Харитонова, которая против спонтанного секса с красивыми мужчинами?

Зажмурившись, потерла виски, испытывая непреодолимое желание что-нибудь выпить. Например, воды. Дорнар-скар, может, и безалкогольный, но пить хотелось зверски. Оглядевшись, нашла графин на привычном месте: на тумбочке. Я всегда просила ставить мне воду на ночь, моя привычка с детства. Вот и сейчас дотянулась до стакана, плеснула туда от души, и залпом его выпила. Затем второй.

Шторы забыли задернуть (ну, или в мою комнату после Валентайна никто больше не заходил), но было пасмурно. За окнами валил такой густой снег, что через полчаса нахождения на улице можно было превратиться в снеговика, а на мне не было даже белья. Комплект, аккуратно сложенный, словно в издевку лежал на кушетке в изножье кровати, и мне захотелось рычать.

Вот что за мужчина, а?! Так бы и треснула… темной магией!

Ладно. Типа, с добрым утром, Лена. С Новым Годом, с новым счастьем. Пора идти чистить зубы и делать водные процедуры. Может, под водой в голове прояснится, с чего ж меня вчера так накрыло, а главное — после того, как Валентайн с подарком ходил в гости непонятно к кому.

И почему так быстро вернулся? Не понравилось, что ли?

Если трахаться мне запрещала субличность Елена Петровна, то здесь явно подключился кто-то очень острый на язычок. Например, Лена-врезавшая-Земскову, которая во мне проявлялась с завидной регулярностью. Нет, ну а что? Если верить психологам, то субличности — это не шутка и даже не диагноз, просто разные стороны одной меня, мои проявления. Главное об этом вслух не говорить, а то непонятно, как отреагируют местные.

Зевая, я доплелась до ванной, где привела себя в порядок. Продрала спутавшиеся локоны, магией выпрямила обратно (красота!), полежала в ванной, пуская пузыри под водой и выныривая на поверхность. Когда в жизни все идет так, как сейчас у меня, остается только пускать пузыри и философски думать о том, что все так и задумано свыше. Правда, в моем случае это даже не прикол: задумано свыше. Адергайном Ниихтарном.

Его бы тоже… того, темной магией. А еще лучше — в наш мир, без магии. Посмотрела бы я, как он там выкручиваться будет-то. Не обладая своей безграничной темной силой.

Ха!

Выбравшись из ванной, я высушила волосы, оделась. В самое обычное платье, мягкие туфельки, как раз закрепляла волосы заколкой, когда взгляд упал на столик, где вчера стояла еда. Еды там больше не стояло, зато лежала маленькая коробочка. Серебристая такая, с бантиком-лентой.

Подарок. От Валентайна.

Не надо было к нему приближаться, потому что по мере приближения меня охватывала нездоровая злость. То есть сначала он сваливает с большим подарком в закат, потом приходит. Видит меня танцующей в нижнем белье, лапает, как будто так и надо, а после опять исчезает? Предварительно раздев, куда же без этого! И да, еще оставив это.

Меня просто-таки распирало от эмоций, поэтому я схватила подарок, зажала его в кулаке: благо, размеры позволяли, и вылетела из комнаты. В кабинете, открытом буквально с ноги, Валентайна не оказалось, и я направилась к нему в спальню. Плевать мне, что он там делает, пусть хоть самоудовлетворяется! Ему можно ко мне вламываться, а мне — нет?!

Толкнув дверь, я застыла на пороге с открытым ртом. По ощущениям, метра на два, а может, и больше, потому что неожиданно заболела челюсть. А впрочем, не только челюсть, во мне заболело все: потому что в комнате Валентайна не оказалось, зато оказалась голая Эстре.

Это, конечно, в принципе то еще испытание для нервов — голая ректор! Не в том смысле, что там все страшно, там все было очень красиво. Прямо как в журнале специфического направления. Но голая ректор, да еще в комнате моего Валентайна… Тьфу! Я правда подумала: моего?

— Вы дверь закроете, адептка Ларо, или так и будете стоять и смотреть? — поинтересовалась эта… драконица.

— Я вообще пришла подарок вернуть, — сообщила я.

Нас бы сейчас снимать, была бы комедия жанров. Непонятно, правда, каких. Подарок я положила на ближайшую поверхность, то есть на каминную полку, а сама вышла и закрыла за собой дверь. Мне хотелось не то плакать, не то смеяться, видимо, мои нервы сдали вахту и ушли на заслуженный отпуск. Но до своей комнаты я все-таки дошла, где сползла по стене и уткнулась лицом в колени. Правда, ни смеха, ни слез не было.

Я сидела и икала: так, видимо, выходили застрявшие эмоции.

Почему, вот почему в моей жизни правда всегда все через Жо? Я могла бы попасть в другой мир, скажем, какой-нибудь техногенный, тоже с драконами, но где все автоматизировано, а магия — вторична, и мне не нужно было бы ей учиться. Ну это если бы мне обязательно нужно было попасть в другой мир, потому что при идеальном раскладе я предпочла бы вообще никуда не попадать. Жить себе спокойно, общаться с Соней, учиться… сейчас, кстати, полгода бы уже проучилась.

Безо всяких там Валентайнов. Ректоров. Мастеров интриг, желающих показать Драконову в невыгодном свете.

Драконова!

Не знаю, что я курнула в тот момент, когда через Эвиль отправила ей сообщение: «С праздником. Надеюсь, твой день начался лучше, чем мой».

Я правда не поняла, что это было — наверное, попытка не сойти с ума в очередной круговерти драконов, темных магов и прочей истории, особенно голой Эстре в комнате Валентайна. Голая Эстре в комнате Валентайна. Теперь эта картина будет стоять у меня перед глазами и сниться мне по ночам.

Лучше бы был голый Валентайн в комнате Эстре! Хотя суть не особо менялась, но если мне приснится голый Валентайн, это всяко лучше, чем голая ректор.

«Даже не представляю, как должен был начаться твой день, если он хуже моего. С праздником».

Сначала я не поверила своим глазам. Уставилась на виритту, во вспыхнувшем поле рядом с которой высветился ответ Драконовой. Интересная все-таки штука эта магическая соцсеть. У них тут не было номеров или id, даже профилей и личных сообщений не было, я просто могла написать любому конкретному человеку, которого знаю, потому что все они были в этой общей объединенной базе, и оно доставлялось по адресу. Правда, магически заблокировать здесь тоже можно было, что несколько оправдывало такое вот нарушение личных границ.

Не представляя, что делать дальше, я написала:

«Ты кого-то убила?»

Ответ пришел на этот раз мгновенно:

«Ха-ха-ха».

Вот и что на такое ответишь? Не рассказывать же реально Драконовой — ДРАКОНОВОЙ! — что я увидела, как началось мое утро и как закончился вечер. Пока я размышляла над не менее философским ответом, чем «ха-ха-ха», мне пришло следующее:

«Я так и не сказала тебе спасибо. Спасибо».

«Да не за что», — написала я, потом помахала магическим пером, убрала и добавила: «Пожалуйста. Я рада, что все обошлось».

«А я-то как рада».

Пока я кусала губу, Драконова успела написать еще:

«Обошлось, на самом деле, относительно. Меня забрали из Академии».

«Кто?!»

«Отец».

«Драконов?!»

«В теории да. На практике — хороший вопрос».

Мне уже нравится ее чувство юмора.

«Почему?»

На этот раз ответ на приходил долго. Если бы я смотрела на открытое окошечко ВКонтакте, там бы наверняка было: «София Драконова печатает…», но поскольку мы были не во ВКонтакте, ничего такого, разумеется, я не видела. Оставалось только предполагать, что она там делает, подбирает слова, что ли? Да нет, это не про Софию Драконову, а значит, ей просто надоело со мной общаться. По-хорошему, и мне должно было бы надоесть, учитывая, с кем именно я переписываюсь, но мне не надоедало. Больше того, я почему-то очень ждала этого ответа, действительно очень ждала.

Видимо, потому что общаться с Драконовой гораздо лучше, чем думать про голых ректоров в комнате Валентайна.

«Потому что он идиот».

Исчерпывающий ответ.

Я представила Драконову — уютно сидящую на кровати, в своей комнате, отвечающей на мои сообщения, и на сердце стало теплее. Даже расхотелось икать, плакать и смеяться по поводу того, что только что произошло. Я начала было писать ответ, но в этот момент рядом со мной оглушительно хлопнула дверь. Не надо было даже поворачиваться, чтобы увидеть, кто вошел, но я все-таки повернулась.

Поскольку сидела на полу, увидела сначала валентайновы ноги, ботинки и брюки. Задрала голову и увидела остального Валентайна, сжимавшего в руке коробочку, глядящего на меня сверху вниз.

— Что, ректор уже ушла? — поинтересовалась с улыбкой.

Вот фига с два я ему покажу, что мне больно. С другой стороны, к чему мне это вообще показывать? Мне не должно быть больно. Он мне никто, я ему никто.

— Нет еще, — комментирует этот чудо-магистр.

— Замечательно. Ну в таком случае предлагаю заняться своей гостьей, а я займусь своими делами, — сообщаю я.

— Это какими же?

Я быстро сворачиваю пустой пока экран и поднимаюсь. Что ни говори, а общаться сидя на полу с тем, кто над тобой возвышается — неудобно. Мне вообще жутко надоело, что надо мной то и дело кто-нибудь возвышается или что кто-нибудь пытается возвыситься за мой счет.

— Это мое личное дело, — сообщаю все с той же улыбкой, хотя от нее уже сводит зубы. Мысли стараюсь вообще не думать, не дай Тамея включится «наша связь» в самый неподходящий момент, а мне сейчас хочется, чтобы она выключилась. Да что там! Я его вообще видеть не хочу.

— Это твой подарок, — Валентайн протягивает мне коробочку.

— Можешь подарить ректору. Я не жадная.

Боюсь, что если сейчас возьму коробочку, то она полетит прямо в него, а это совершенно не к месту. Боюсь, что наши руки соприкоснутся, и память тела живенько воскресит то, что было вчера. Боюсь, что он снова скажет что-то в стиле «Ты моя, Лена», а я поведусь.

— Это подарок именно для тебя. Открой.

Он так и будет тут стоять? Если да, то проще открыть. Проще открыть, тогда он уйдет, и все закончится. Поэтому не касаясь ни его пальцев, ни ладони, я беру из его рук коробочку. Она приятная на ощупь, будто сатиновая, поэтому снять крышечку оказывается легко.

Я мигом забываю про все, потому что в углублении черного бархата лежит кольцо. Кольцо, чтоб его! Как очередная издевка надо всем, что было, и вот теперь запустить в Валентайна подарком хочется уже просто нестерпимо. Но я помню про «не показывать свои чувства», поэтому поднимаю голову и смотрю на него в упор:

— Что это?

— Кольцо, которое ты будешь носить, пока живешь у меня. В Даррании традиции иные, а чтобы нормально учиться, быть женщиной темного архимага слишком опасно.

— Ты только сейчас об этом задумался?

Не просто швырнуть. Еще потом треснуть по голове чем-нибудь тяжелым и пнуть в причинное место.

— До той ночи все было не настолько остро, — произносит он. — Это кольцо оградит тебя от лишних проблем. Пока ты живешь в моем доме, будешь моей невестой.

— Это ты уже говорил, — напоминаю я. — А что, если я не хочу жить в твоем доме? И уж тем более становиться твоей невестой? Прости, но пока ты пялишь ректора, это даже не бразильская мелодрама, это уже просто дурной тон.

Валентайн пристально смотрит на меня, так пристально, что, кажется, во мне сейчас образуется дыра от этого взгляда. Хорошо, если не черная, и если я не аннигилирую все в округе, потому что судя по поднимающимся изнутри чувствам, я очень, очень к этому близка. И становлюсь еще ближе, когда он без лишних слов выдирает кольцо из бархата и надевает мне на палец. Легкий холодок, покалывание, над ладонью клубится магия.

— Что ты сделал?! — Хотя я и без слов понимаю, что он сделал: вцепившись в кольцо, пытаюсь сдвинуть его с места хотя бы на миллиметр, но не могу. Оно словно приросло ко мне, словно вплавилось в мою руку!

— Избавил тебя от проблемы выбора, а себя — от лишней траты времени, — сообщает он и разворачивается, чтобы уйти.

Мне хочется так много ему сказать… сказать ему все, что я думаю! Все, что я думала вчера — о том, что в его груди живое сердце, но на деле — кусок льда или угольно-черная субстанция из Темных земель. Да, что бы там ни было, что бы я ни сказала, все бессмысленно. Поэтому я просто даю ему уйти, а потом пересекаю комнату и сажусь на постель.

Второе кольцо за полгода моей жизни. Сказал бы кто, что такое случится — посмеялась бы от души. Сейчас, правда, смеяться не хотелось. Кольцо, напоминавшее бриллиант от Тиффани — восьмигранный сверкающий камень, однозначно притягивал взгляд. Тонкий ободок драгоценного металла на пальце не доставлял неудобств (моральные не считаются), но держался реально как приклеенный. Заранее зная, что они обречены на провал, я предприняла несколько попыток его оторвать.

Тщетно.

Сцепив руки на коленях, я смотрела на очередной признак принадлежности темному дракону и думала о том, что мне срочно нужно в Академию. Мне нужно учиться дальше. Нужно уметь разобрать по частям любое заклинание, да и собрать тоже, но в данном случае — разобрать. Чтобы понимать, как с этим быть дальше.

Мне нужно узнать, что произошло с моими родителями на самом деле, то есть с родителями Ленор, чтобы разорвать, наконец, этот порочный круг: Ленор Ларо — дочь заговорщиков и пария, отщепенка, которая всем желает только зла. Но главное — чтобы наконец разорвать связь своего имени с именем Валентайна Альгора. Чтобы начать новую жизнь одной, устроиться на подработку: если Дана и остальные могли совмещать с учебой, то и я смогу.

Но для начала надо избавиться от этого клейма, которое, как неведомое заклинание кольцо, вплавляет меня в дом Валентайна Альгора. И я буду не я, если я этого не сделаю. Сколько бы времени на это у меня ни ушло, сколько бы сил ни потребовалось! Моя жизнь больше никогда не будет зависеть ни от кого.

Ни от принцев. Ни от безумных, возомнивших себя судьями Драконовых, и так далее. Ни от архимагов. В особенности от архимагов. В особенности от Валентайна Альгора, с которым у меня не останется ничего общего. Или я не Лена Харитонова!

Держаться за свое настоящее имя, сколь бы чужим оно ни казалось здесь, было легко. Оно словно возвращало меня в то время, в тот мир, где моя судьба и моя жизнь зависела только от меня. Словно придавало мне сил. Напоминало о том, кто я, и что я всегда, всегда справляюсь со всем.

Не знаю, какой была Ленор Ларо, но это и неважно. Потому что Лена Харитонова популярно объяснит всем, что попаданок лучше не злить.

Глава 8

Несколько месяцев спустя

— Домашнее задание надо сдать до конца недели! — Магистр Оллихард не уложился до драконьего рева-звонка, поэтому сейчас ему приходится повышать голос, чтобы перекричать шуршание поднимающихся и складывающих вещи адептов. — И напоминаю, что наш с вами экзамен будет в формате обсуждения эпохи…

Я отвлекаюсь на то, чтобы собраться, и обнаруживаю в сумке кусок грязи. Очень грязной, размокшей земли, которую вот где только нашли? Последние дожди шли пару недель назад, сейчас весна полностью вступила в свои права, вокруг цветы, пение птиц, мягкая, теплая солнечная погода, предвещающая жаркое лето. Цветов просто море, не считая цветения деревьев. Мне кажется, весь Хэвенсград настолько заперевысадили цветами, что голова кружится не столько из-за приближения лета, сколько из-за их пьянящего, свежего аромата. Оно и неудивительно: скоро свадьба Сезара Драгона и Женевьев, и в честь этого город заранее выглядит как с картинки сказочной книги.

Не представляю, что чувствует Драконова. Если честно, сама не знаю, зачем об этом думаю, и почему вообще снова вернулась к мыслям о ней. С того самого дня мы не общались, я как-то хотела написать снова… но передумала. О чем писать? Она меня поблагодарила, мы вроде как не подружки.

Отец действительно забрал ее из Академии, и я даже выяснила (путем многочисленных злобных выпадов в мой адрес), что с условием: до тех пор, пока здесь учится Ленор Ларо, его дочь учиться не будет. Ну то есть как не будет — София Драконова проходила все темы на домашнем обучении со специально приглашенными преподавателями, а здесь отчитывалась на выходных. Сдавала контрольные (вроде тестов), практики, обсуждала с магистрами подготовку к экзаменам.

Примеру Драконова последовали еще несколько именитых семей, забрали своих дочерей и сыновей «до тех пор, пока здесь учится Ленор Ларо». Все это попытались раздуть еще и в столичной прессе, но очень быстро свернули. Стараниями Валентайна, я так полагаю, больше за меня вступиться было некому.

Честно говоря, с той самой ночи я больше этого мужчину не понимала, но и, точно так же честно говоря, не очень хотелось. Пусть даже голая ректор больше не появлялась в его спальне (или появлялась так, что я этого не видела), свои ощущения я запомнила надолго. Повторять их не хотелось тоже.

Правда, в свете всего происходящего, отношения с Валентайном меня беспокоили меньше всего. Он учил меня магии, я училась у него магии, про кольцо больше не заикались ни я, ни он, и в целом мы вели себя как чужие люди (дракон и человек?), что по сути было правдой. Чужими мы были, чужими и остались, и меня это полностью устраивало. Эмоций с лихвой хватало в Академии.

Вот эта выходка — типа грязи — была самая простенькая из того, что мне устраивали с момента моего появления. Правда, с переменным успехом. Пообещав себе, что не буду спускать ни одного такого выпада в свою сторону, я свое слово держала, и всякий раз, когда кто-то закидывал мне в сумку «грязь», этот кто-то получал ответку. Причем отважных каждый раз становилось все меньше и меньше, особенно после того, как я придумала заклинание, зеркалящее попытки меня «ужалить».

В частности, девицы, которые пролезли в мою комнату, взломав защиту, и попытались наложить чары на мои крема, чтобы я проснулась с красным лицом и прыщами, получили мгновенный обратный эффект и в коридор выбегали по стеночке. Та же участь постигла парня,

который захотел закинуть в мою сумку дематериализующее заклинание: на нем просто «растаяла» форма. Прямо посреди аудитории.

Меня там не было, зато когда я вернулась, разговоров только об этом и было. После этого все поняли, что магически связываться со мной себе дороже, и стали пакостить без магии. По мелкому. Вымазать ручку двери какашками ежерога, положить на стул какую-нибудь дрянь, или, например, вот так: сейчас все, что лежало в сумке, было вымазано в скользкой, липкой черной массе, и саму сумку, наверное, уже не ототрешь даже отчищающим заклинанием.

А жаль. Хорошая была сумка. Мне нравилась.

В темной магии существовало заклинание, которое обжигало или замораживало руку до костей (в зависимости от его построения), но до того, чтобы так защищать свои вещи, я пока не дошла. И даже не потому, что была вроде как «на испытательном сроке». То есть темную магию мне было запрещено применять в любом виде, где бы то ни было, даже в качестве самозащиты.

В противном случае поручительство Валентайна утратило бы свою силу, и я бы оказалась в застенках (сомнительно, зная Валентайна), но, помимо этого, он бы огреб кучу неприятностей, а вот этого я совершенно точно не хотела. Как бы ни складывались между нами отношения (правильный ответ — никак), подставлять его ни случайно, ни тем более намеренно я не собиралась. Может, он и гад каких поискать, но я сейчас жива только благодаря ему.

Не факт, что меня не порвали бы на тряпочки, не будь на мне его кольца и браслетов. Причем не адепты, а их родители, которые не уставали строчить Эстре письма и жалобы на то, что я учусь в Академии и подвергаю жизнь их детей опасности. Меня дергали в кабинет ректора с завидной регулярностью: сказать, чтобы я держалась подальше от того-то, от того-то и от того-то, хотя я иногда даже не знала в лицо того, от кого мне нужно держаться подальше, и даже не собиралась к ним приближаться.

Полагаю, Эстре это нравилось — вызывать меня к себе и выговаривать раз за разом, ну и еще, полагаю, она наслаждалась тем, что я видела ее голой. Не в том смысле, конечно, что ей это понравилось, нет, ее порадовало то, что я увидела ее у Валентайна после, собственно говоря, процесса. Из разряда: «Знай свое место и не лезь к моему мужчине». Драконесса метила территорию с настойчивостью уличной кошки, которую забрали домой и попробовали приучить к лотку. Тщетно.

Подхватив то, что лежало на столе, подмышку, я поднялась. Повесила сумку на плечо (той стороной, которая поменьше пропиталась грязью) и выскользнула из аудитории чуть ли не одной из последних. Попрощалась с магистром Оллихардом, ответного «прощания» не дождалась.

В отличие от адептов магистры не вели себя вызывающе, они предпочитали меня «не замечать», как сейчас — историк сделал вид, что что-то убирает на кафедре, хотя она была чиста, как попа младенца после купания. Мне, в общем-то, было уже без разницы, я здоровалась и прощалась на автопилоте, чтобы не замкнуться окончательно. Да и в любом случае, сегодня ничто не могло испортить мне настроения. Ни молчание магистра, ни грязь, ни даже если бы посреди коридора возник Лэйтор, сообщавший о том, что вызывает меня на допрос.

Потому что сегодня день подготовительных курсов, и сегодня я снова увижусь с Максом.

С ним мы встречаемся тайком. Подготовительные курсы начинаются во второй половине дня, после того, как заканчиваются занятия у адептов. Ну и чтобы нынешние школьники успели перекусить после школы, перед тем, как идти на следующие занятия. И так три раза в неделю. Адова жесть, конечно! Но тем не менее для нас с Максом — это единственная возможность увидеться, потому что Хитар все обставил серьезно.

Мне действительно запрещено приближаться к брату. На уровне официальной ответственности, и, если это кто-то увидит… в общем, влетит обоим. Но мы готовы рисковать, и мне, несмотря на все то, что не хочется для Макса неприятностей и хочется вломить Хитару, очень греет сердце тот факт, что он тоже хочет меня увидеть.

Сама не знаю, как так получилось, как из едва знакомого парня для меня «вырос» настоящий брат. Для него-то все в порядке вещей, я Ленор. А вот для меня… для меня все не так однозначно. Я ему не сестра, хотя чувствую совершенно другое. Так, будто мы росли вместе. С одной стороны, это круто, потому что я всегда мечтала о братике или сестренке. Сестрой для меня стала Соня, а вот брат у меня мог бы быть.

Мог бы.

Если бы не осложнения во время родов. Через год после меня, в точности так же, как у Ленор и Макса, должен был родиться мой брат. Именно после знакомства с Максом я все чаще вспоминала эту историю. И все чаще думала о том, что будет, если Макс узнает правду: я занимаю тело его сестры по воле какого-то там Адергайна Ниихтарна. О том, что его сестры больше нет.

И пусть я этого не хотела, для него вряд ли будет большая разница.

Потому что он любил Ленор. Я это видела. Я это чувствовала. Несмотря на все их разногласия, на все, что было до меня, сестра для него была светом в окошке.

После занятий я традиционно шла к себе, чтобы если за мной кто-то следит (привет, паранойя! Но после всего происходящего уже ничему не удивлюсь), этот кто-то увидел, как я захожу в свою комнату. Там я проверяла все на следилки и прослушивающие заклинания — после вломившихся ко мне в комнату девиц, с помощью какого-то гения вроде Ярда взломавших замок я уже ничему не удивлюсь дубль два, а после занималась своими делами. Ну или вот как в случае встречи с Максом телепортировалась (порталиловалась?) на другой конец Академии, на самый дальний край, который располагался за тренировочным полигоном адептов военного факультета и пустовал. Потому что с одной стороны был огорожен высоченным забором тренировочного полигона, а с другой — тем самым краем земли, на которой парила Академия. Ну то есть одним из краев, фиганулась я в прошлый раз с другой стороны.

Помимо высоченной стены от края земли полигон еще отделяли густо высаженные деревья, вот там, в самом тихом и никому не нужном уголке Академии, мы и встречались. И сидели рядом на траве, от силы минут пятнадцать, чтобы Макс не опоздал на занятия. По большому счету, у него и этого времени не было, но я открывала ему портал в кабинку мужского туалета рядом с нужной аудиторией. Оттуда он сразу бежал на подготовительные занятия, а я возвращалась порталом к себе в комнату.

Никогда бы не подумала, на что пригодится магия Валентайна!

Сегодня, когда я открыла портал, Макс уже был на месте.

— Привет! — сразу расплылся в улыбке, шагая ко мне.

Мы обнялись.

— Как дела? — спросила я, когда отстранилась.

— Хитар злой и вздрюченный. Понятия не имею почему, постоянно пропадает где-то. Раньше я бы сказал, к любовнице бегает, но судя по его настроению, она ему не дает.

Я фыркнула.

— Как по мне, он таким родился.

— И то правда. У тебя что нового?

— Сумку в грязи измазали. Видимо, когда на перерыв вышла.

Макс нахмурился.

— Ничего, когда я поступлю в Академию, все поймут, что мою сестру обижать нельзя.

Я открыла рот. Закрыла.

В горле неожиданно встал ком — тот самый, который возникал каждый раз, когда Макс говорил что-то в этом роде.

— Я не пожаловаться. Просто смешно, — напомнила я.

— А мне нет. Этот бред пора прекращать. Может, они сумели навешать дерьма на наших родителей, но провернуть этот трюк с тобой я не позволю.

Я глубоко вздохнула. По делу родителей Ленор я не особо продвинулась, хотя у меня была составлена самая что ни на есть настоящая полицейско-магическая карта, укутанная надежным защитным скрывающим от посторонних глаз заклинанием в моей комнате в Академии. У Валентайна такое делать было нельзя — сразу считает, да и учитывая, что я жила в его доме исключительно на выходных, толку-то от нее.

Правда, составленная карта пока не особо позволила мне приблизиться к разгадке того, что произошло в прошлом. В «Туасон ле Фре», где мои родители покупали подарок для Керуана, меня послали. То есть, когда я пришла поинтересоваться, не заказывал ли кто-то дубликат и не могли ли выдать фирменный артефакт с логотипом кому-то еще (или не мог ли его «позаимствовать» кто-то еще), на меня сначала посмотрели как на идиотку, а потом выставили взашей. Точнее, вежливо сопроводили на выход с охранником. Чтобы разбираться с тем, кто мог подставить маму с отцом, нужно было восстанавливать все их связи на тот момент, и вот эти самые связи восстанавливались с очень большим скрипом.

Потому что «предавший да лишится истории», в результате чего я могла плясать только от Хитара и остальных архимагов. Тогда место Валентайна занимал отец, а место Хитара — какой-то Буроджольд Хаусский, который был весьма преклонных лет и почил через полгода после истории с заговорщиками. У Хаусского был наследник, который по силе магии мог бы занять место отца, но он отказался, сославшись на то, что ему важнее семья, а должность архимага потребует слишком много времени и внимания. В итоге они с семьей потом переехали куда-то на юга, к морям и океанам.

«Вытащить» из прошлого родительских друзей не представлялось возможным, поэтому я начала копаться в окружении Хитара. По крайней мере, в том, которое было в те дни… никакое. Он общался разве что с Иваном Драконовым, познакомившись с ним на каком-то приеме, куда его пригласили мама и отец Ленор. Его вообще много куда приглашали, но то ли Хитар был социофобом, то ли социопатом, то ли обладал мерзким характером: круг общения у него не складывался.

Короче говоря, я то и дело заходила в тупик, и уже раз сто хотела сдаться. Сдаться не позволяло только природное упрямство и грядущий стимул в виде разбирательства по моему делу. Ну и еще немножечко то, что меня никуда не брали на работу. Как только узнавали, кто я такая.

— Не бери в голову, — я кивнула Максу. — Лучше расскажи, как у тебя в школе.

— Да в школе все по-прежнему, ничего не изменилось. Ленор, что насчет выходных?

— А что насчет выходных?

На выходных мы встречаться не могли, потому что Хитар отслеживал каждый его шаг. Буквально. Он приставил к нему соглядатая, который ходил за ним по пятам, и которого аргументировал тем, что после моей выходки Максу нужна защита.

— Ленор, я знаю, что это сложно. И раньше я бы не стал тебя просить. Но сейчас… — Брат посмотрел мне в глаза. — Ты другая. Ты изменилась. И поэтому я хочу тебя попросить. Давай вместе навестим родителей.

— Навестить? — переспрашиваю я, но тут же осекаюсь.

Понятно же, где навещать родителей Макса и Ленор. И то, что он пришел с этим ко мне…

— Хитар запретил нам видеться, — напоминаю я.

— Ну, к родителям я смогу выбраться один. В смысле, моему надзирателю вовсе необязательно идти со мной на кладбище. — Макс мрачнеет, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы его не обнять.

Когда я горевала по родителям, я просто зверела ото всех попыток меня пожалеть. Не знаю, почему. Может быть, потому что жалость была показная, для хорошести, а может быть, потому что для каждого это глубоко, бесконечно личное.

— Тебе просто нужно прийти пораньше и уйти попозже, — говорит он, и я поспешно киваю:

— Конечно. Я буду.

На миг в его глазах вспыхивает изумление, будто он сомневался, что я соглашусь. Но потом брат улыбается:

— Я рад, Лен. Правда, рад. С Валентайном проблем не будет?

Все мои проблемы с Валентайном остались в далеком прошлом, но не говорить же об этом Максу. Я вообще не уверена, что хочу об этом говорить, поэтому просто качаю головой:

— Нет. Все хорошо.

— Хорошо, — подтверждает Макс. В глазах его лучится улыбка, и я могу поклясться, что в этот момент мы стали еще чуточку ближе, но… Но он по-прежнему не знает, кто я такая.

Это несправедливо. Нечестно. Вот только как сказать об этом парню, который только-только обрел сестру? Обрел ее по-настоящему, а не по крови и не по совместному проживанию в одном доме.

Я прикусываю свое желание рассыпать правду, когда она совсем не нужна, и мысленно клянусь себе, что стану лучшей сестрой для него. Лучшей сестрой и лучшим другом.

— Ой! Мне пора, — спохватывается брат, и я открываю ему портал.

Портал с применением темной магии — естественно, какой еще может быть магия Валентайна, которую он мне «перечислил», но на этом портале стоит заклинание, не позволяющее защитным системам Академии идентифицировать его как угрозу. Валентайн поставил его, когда я попросила: на случай, если мне придется воспользоваться порталом. Вся остальная его магия, которая у меня «на счету» проходит магическую трансформацию и при оплате за что бы то ни было становится светлой. Я так до сих пор и не разобралась, как работает эта магическая конвертация валют, но пока она для меня не критична.

Главное, что мы с братом можем общаться, потому что я могу открыть ему портал и выиграть нам время для разговоров. Главное, что Валентайн об этом не догадывается, потому что если узнает, как я трачу его магию… Хотя если честно, не уверена, что ему вообще есть дело, куда и что я трачу. Мы с ним в самом начале знакомства были более близки, чем сейчас.

Была бы моя воля, я бы и на выходные в Академии оставалась, с Валентайном встречаясь только для того, чтобы позаниматься магией, но увы. На выходные меня «высылают» из Академии, поскольку Драконова и остальные с дистанционного обучения не должны со мной пересечься даже на секунду. Иными словами, меня не должно быть ни в Академии, ни в радиусе из пребывания, согласно воле их родителей.

Можно было бы поспорить на тему своих прав, но это лишние заморочки для Валентайна. К тому же, в Академии у меня ровно столько же друзей, сколько в доме Альгора, поэтому без разницы. Дома у Альгора хотя бы можно заниматься дизайном интерьера — в смысле, я спросила у него разрешения немного «оживить» его мрачное жилище, а Валентайн возражать не стал. Он мне вообще больше не возражает, хотя, может быть, я ни о чем таком возражательном не просила.

В итоге я развлекаюсь тем, что хожу по комнатам и составляю списки всего, что сюда можно и нужно привнести, чтобы дом стал похож на жилой. Сад тоже — там зацвела одна яблоня, и то из чистого упрямства. У меня уже полностью готов проект, я так отвлекаюсь от темы расследования родителей Ленор. И от мыслей, которые временами продолжают накатывать: про Соню, про мой мир, про все, что произошло, происходит и еще произойдет здесь.

Правда сейчас, после встречи с Максом, я чувствую, как в сердце распускаются цветы. Когда последняя искра темного портала гаснет, закусываю губу, запрокинув голову, смотрю в высокое весеннее небо, с наслаждением вдыхаю наполненный ароматами цветов воздух. Надо мной дерево с сиреневыми цветочками, самая сердцевинка ярко-красная, почти алая, а

тычинки — как ниточки, дрожащие даже под легкими порывами ветра. С такими же алыми головками.

— Какие вы красивые, — говорю я.

— Мне кажется, или темную магию тебе запрещено применять?

Сердце падает вниз, и я падаю с небес на землю за ним. Внутренне похолодев, оборачиваюсь: прямо передо мной стоит Люциан Драгон. В двух шагах. Если не ближе.

Глава 9

Последний раз, когда он стоял так близко, я еще на что-то надеялась. Дура была, вот и надеялась, и злость вспыхивает внутри, как пожар. Как темная магия, которой, вообще-то, положено спать, но я уже чувствую, как она дергается внутри меня. Бьется об оковы браслетов, чтобы потом зашипеть, жаля холодом изнутри.

— Тебе слишком многое кажется, — цежу я и собираюсь обойти его, хотя идти тут особо некуда. Но главное — подальше от него.

Люциан перехватывает меня за руку. Так, что браслет впивается в запястье под его ладонью.

— Определенно, нет, Ларо, — произносит он холодно. — Насчет темной магии мне не кажется. Ты открыла портал. Своему брату. И, если не ошибаюсь, ты проделываешь это постоянно.

— А ты только сейчас решил все прояснить? — Хотя внутри все холодеет, вида я не показываю. Плотно сжимаю губы, дергаю рукой. — Отпусти.

— Да нет. Я все думал, когда тебе задать вопрос на эту тему. И стоит ли показывать записи ваших встреч ректору. Или, может, стражам порядка?

Вскидываю на него ненавидящий взгляд, прямо в глаза, в упор. Как я вообще могла думать, что между нами может что-то быть?! Между ним и мной. Браслет под его ладонью словно раскаляется и начинает жечь кожу. Я понимаю, что это обман чувств, но чувства сейчас именно такие. Палящие, острые, яростные, и они по моим ощущениям плавят мою кожу вместе с браслетом.

— Станет легче? — цежу я, хотя внутри все сворачивается от страха.

Не столько за себя, сколько за Макса — если все это развернется, меня наверняка выставят из Академии, и даже Валентайн больше не сможет помочь, но что сделает Хитар? Вообще перестанет его выпускать из дома? Виритту он ему уже заблокировал на связь со мной, и я подарила Максу еще одну, новую, о которой никто не знает. Что, если у моего опекуна опять проснутся эти его наказательные наклонности? Меня сейчас нет рядом, чтобы все это увидеть и чтобы хоть как-то оградить брата. А ведь ему еще нет восемнадцати зим, буквально пара недель осталась.

И… Хитар действительно способен на гадости.

— Очень даже, — вальяжно отвечает Люциан. — Даже не представляешь, насколько, Ларо.

— Вполне в твоем стиле. — У меня в голове просто бродячий цирк, цыгане, темная магия, светлая магия и желание врезать Люциану в нос изо всех сил. Как я сделала с Земсковым. Правда, это вряд ли поправит мое положение.

Мы смотрим друг на друга, и воздух вокруг нас наэлектризовывается. Еще чуть-чуть — и разряды пойдут прямо над нашими головами, причем не уверена, что не буквально. Судя по выражению его лица, по горящим ненавистью глазам, чувства у него примерно те же, что и у меня. И, хотя я решительно не понимаю, как можно ненавидеть того, кто не сделал тебе ничего плохого, как можно запустить в него золотой плетью — заклинанием светлых драконов, боевым, между прочим, я могу понять, что чувствует он. Потому что меня трясет от желания ему врезать.

— Ты даже не представляешь, что в моем стиле, — цедит он, сжимая ладонь еще сильнее. Теперь браслет не просто обжигает, мне кажется, он сейчас лопнет раскаленными брызгами. — А впрочем, я могу и забыть о том, что здесь было, Ларо. Несколько раз.

Только сейчас я понимаю, что его взгляд вплавляется в кольцо на моей руке и становится совсем диким. При всем при том, что мы изредка (хотя и гораздо реже, чем до того как он

перевелся на военный) пересекались в столовой и на общих лекциях, на которых он и его компания меня просто игнорировали. Думаю, если бы мы столкнулись, они бы просто прошли сквозь меня, с их-то уровнем величия, но сейчас… Сейчас под этим звериным взглядом я понимаю, что до игнора там далеко.

Хуже всего то, что он действительно может меня уничтожить. Одним словом. Ну ладно, несколькими предложениями и той записью для Флидхаара, о которой говорит. Разрушить мои встречи с Максом. Разрушить все, и ему за это ничего не будет. Потому что он — светлый дракон, сын короля, а я — дочь заговорщиков с потенциально опасной темной магией. Ему хоть выговор сделали за то, что он в меня швырнул плеть? Вряд ли.

Все эти мысли проносятся в моей голове в мгновение ока. Я пытаюсь усмирить бьющуюся внутри силу, потому что однажды браслеты уже давали сбой. Правда, ментально и рядом с Валентайном, но мне нельзя проявлять темную магию. Свою так точно нельзя. Не сейчас.

— Хорошо. — Я удивляюсь тому, как ровно звучит мой голос, хотя внутри происходит такое. — Чего ты хочешь?

— Другой разговор, — Люциан разжимает пальцы, и я невольно бросаю взгляд на запястье. Ожога там, разумеется, нет, но ощущения все еще очень свежи в памяти.

А Драгон, видимо, только что после тренировки и построений, потому что одет по всей форме. В смысле, буквально. Военная форма, пояс, перевязь, даже наплечники. Защитничек страны, блин.

Возможно, мои мысли отражаются в моем взгляде, потому что он перестает улыбаться. Окончательно. Шагает ко мне вплотную и произносит:

— Хочу тебя, Ларо. Хочу тебя трахнуть.

В лицо словно плеснули кипятком, хотя краснеть тут полагалось совсем не мне. Ой не мне.

— А вставалка поднимется? — уточнила я, окончательно зверея. — На меня? В смысле, на девицу с темной магией, которую ты был готов убить?

— Убить? — Люциан выгибает бровь и становится до боли похож на того парня, в которого я почти влюбилась. Хорошо, что почти.

— Твои слова. Не мои. Сам сказал в кабинете.

— До меня это сказал… твой темный, — он выплевывает эти слова мне в лицо, а я снова краснею, как дура. Судя по всему, от злости, потому что сейчас, мне кажется, никакие браслеты уже не спасут.

— Дай пройти, Драгон! — Голос снова переходит в шипение, потому что я его душу, иначе начну орать. А вот орать, особенно в присутствии него, особенно показывая ему свои чувства — совершенно не то, что мне хочется.

— Да на здоровье, Ларо, — он ухмыляется. — Проходи, увидимся в участке.

На миг мне хочется ему сказать: валяй. Давай, сливай все что у тебя есть всем, до кого можешь добраться. Но у меня есть Макс, и если еще и его имя прицепят к темной магии… Он вообще поступить-то сможет? Сомневаюсь. Судить его не будут, конечно, не за что. Но если меня всеми силами выдавливают, то его просто не впустят.

Поэтому приходится сделать пару глубоких вдохов и выдохов, и только после этого сказать:

— Покажи запись.

На мое несчастье запись действительно есть. Точнее, несколько. Я просматриваю наши с Максом хроники одну за другой и чувствую себя как в паршивом кино.

— Ты за мной следил?! — осознание вырывается словами, чуть ли не одновременно с мыслью.

— Поразительная догадливость.

— Зачем?!

— Затем, что кто-то должен тебя вывести на чистую воду, Ларо.

— И ты решил, что это сделаешь ты?

— Почему нет, — он пожимает плечами и смотрит на меня сверху вниз. Мне же приходится приложить все усилия, чтобы успокоить мечущиеся в панике мысли, их в принципе очень сложно успокоить, но я стараюсь.

Думай, Лена, думай.

Думай, как выкрутиться, если уж не сумела сохранить свою тайну.

Но… как это вообще могло произойти?! Я ведь была осторожна. По-настоящему осторожна.

— Твой братец постоянно выходил из мужского туалета, а как-то был замечен рядом с полигоном.

Он что, мысли мои читает?

— Вот я и решил разобраться, что к чему.

— Разобрался? — Меня уже потряхивает, поэтому приходится обхватить себя руками, скрестив их на груди.

Взгляд Люциана снова цепляется за кольцо и становится таким злым, что меня начинает тошнить. Буквально. Может, у меня интоксикация темной магией? А ведь как просто было бы снять браслеты, и тогда… тогда мы бы посмотрели, кто из нас кого трахнет! Если бы в этом мире был хоть намек на справедливость, я бы так и сделала. Определенно, так бы и сделала. А в противном случае я прямо вижу, как Эстре пьет свой ранх, и тут к ней приводят меня и говорят, что я напала на принца (плевать, что ненаследного) темной магией. Она сначала давится, а потом радостно вызывает Лэйтора, и в Даррании случается звездец.

Когда обо всем узнает Валентайн.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — тихо спрашиваю я. Тихо, чтобы успокоиться, потому что мне нужно успокоиться! — К чему это может привести?

— Я все понимаю, Ларо. А вот ты, видимо, не понимаешь. Видимо, твой темный не объяснил тебе, — его голос дрожит от злости, — чем заканчивается применение темной магии в быту. И чем оно заканчивается для плохих девочек. Не объяснил он — объясню я. Раздевайся!

— Что?!

— Раздевайся, — говорит он. — Или проваливай и продолжим в другом месте.

Это уже просто какая-то комедия абсурда. Потому что с точностью то же самое говорил мне Валентайн.

— Не боишься? — рычу я. — Последствий?

— Последствий? Да если бы ты могла, а главное — если бы хотела, темный уже был бы здесь. Но ты не можешь. Или не хочешь. И мне плевать на причины. — Люциан шагает вперед, и между нами больше нет расстояния. — Так что приступай. Или проваливай. Выбор за тобой.

Я глубоко вздыхаю. Мне требуется больше воздуха, чтобы это произнести:

— Нет.

— Нет, так нет, — ему плевать. Ему совершенно плевать, ему важно меня размазать, морально, физически, на уровне законов этой страны и мира — неважно. Вот только я буду не я, если ему это позволю. Поэтому еще раз глубоко вздыхаю и, до того, как он откроет портал, говорю:

— Не так. И не здесь.

— Условия здесь буду ставить я, Ларо, — сообщает он, оглядывая меня с головы до ног. После чего кивает: — А впрочем, ты права. Пойдем.

Знакомый золотой портал открывается раньше, чем я успеваю ответить, а после Люциан издевательски-галантно отступает в сторону:

— Прошу.

Как он не захлебнулся собственным ядом, остается только догадываться, но я молчу. Смотрю на знакомую комнату — его комнату, в которой в последнее наше нормальное утро мы проснулись вместе. Я в его рубашке. Меня даже корежит от этого воспоминания, хотя казалось бы, корежиться уже нечему. Все, хватит. Чтобы это перебить, надо просто шагнуть туда и выполнить его условия, и тогда вспоминать — из хорошего — мне будет окончательно нечего.

Сжав зубы, я все-таки шагаю в портал и останавливаюсь в центре комнаты, Люциан проходит следом. На столике, который сейчас стоит у окна, у него весенне-летний натюрморт: в огромной хрустальной вазе с головой дракона, хвостом и крыльями фрукты, ягоды, на столе графин с водой. Легкие занавеси подбрасывает и подтягивает обратно к массивным окнам ветерок. Здесь, в отличие от разогретого последним весенним месяцем сада, не то что не жарко, даже прохладно.

За моей спиной с шипением закрывается портал, и я оборачиваюсь. А зря. Люциан уже стоит у шкафа, стянул свою парадно-военную форму. То есть брюки там остаются те же, а вот верх… не знаю, какой там будет верх, потому что сейчас он обнажен по пояс. Со спины, правда, но мне хватает. Чем они там занимаются на военном факультете? Он явно стал шире в плечах, и мышцы обозначились четче.

Он стягивает с вешалки рубашку, поворачивается, и я едва успеваю вернуться к созерцанию натюрморта, чтобы не выдать, что пялилась на него.

Господи, Лена. Что у тебя в мозгах? Если в анекдоте «Что не хватает в организме котенка, если он жрет полиэтилен» ответ был очевиден, то в моем случае его можно перефразировать так: «Что не хватает Лене, если она продолжает пялиться на Люциана».

Варианты ответа:

1) Мозгов

2) Самоуважения

3) Характера

4) Силы воли

5) Всего вместе

Что-то мне подсказывает, что выбирать надо пятый пункт, но злиться на себя бессмысленно. На него — тем более. К счастью, сегодня все это закончится. Все закончится в этой комнате, здесь и сейчас.

— Сначала уничтожь записи. При мне, — говорю я, поворачиваясь.

— Разлетался. Сначала ты сделаешь то, что я скажу. — Он уже накинул форменный пиджак, и значок военного факультета полыхает на нем синим пламенем.

— Я похожа на идиотку?

— Ты похожа на девицу, которая крупно вляпалась, Ларо. Похоже, у нас проблемы с доверием, но в данном случае твоя проблема гораздо обширнее, чем моя, и я уже начинаю терять терпение. — Он подошел к креслу и плюхнулся в него. — Насчет вставалки. Она мне не потребуется, потому что я к тебе не притронусь. Трогать себя ты будешь сама, поэтому раздевайся и приступай.

Вот теперь, несмотря на то, что моя жизнь никогда не была пуританской, я краснею, кажется, до корней волос.

— Ты хочешь, чтобы я…

— Ага. Сама доставила себе удовольствие. С чувством, Ларо, — он вытаскивает ягоду, похожую на земную черешню, и отправляет ее в рот. Точнее, зажимает между губами, пальцами тянет за черенок. — С наслаждением. Зажимашки не считаются. Не считается, если ты не кончишь.

— И что потом? — справившись с первыми чувствами, интересуюсь я.

— Потом я уничтожу записи. При тебе, — хмыкает он. — Обещать, что новых не появится, не могу, так что…

— Какая же ты тварь! — выплевываю я.

Люциан недобро прищуривается.

— Хватит болтать. А то я могу и передумать, или цена станет выше.

«Выше — это как?» — хочется спросить мне, но я молчу. От того, кто способен на такое, можно ожидать всего чего угодно. Моя фантазия с его на этом поприще явно не сравнится, поэтому экспериментировать нет ни малейшего желания. Подхожу к кровати. Сажусь.

Я что, действительно собираюсь это сделать?

Дергаю пиджак так, что от него чуть не отлетают пуговицы.

— Я же сказал, с чувством, Ларо, — ухмыляется он. — Это не совсем похоже на чувства.

Сказала бы я, что сейчас к тебе чувствую… да чтоб ты ежерога, взрослую особь, три дня рожал без обезболивающих заклинаний!

Я никогда не была вот прям скромницей-скромницей, но сейчас все внутри и снаружи продолжает полыхать. От корней волос до кончиков пальцев, я как будто превращаюсь в большой, в человеческий рост факел. Особенно когда наталкиваюсь взглядом на его взгляд, а он цепляет губами очередную ягоду. У меня в голове шумит, а перед глазами темнеет.

Точно.

Надо закрыть глаза, закрыть глаза и представить, что его здесь нет. Тогда будет проще…

— Глаза не закрывать, Ларо. Смотри на меня.

Он почти рычит, и меня прошивает током от этих ноток в его голосе. Шума в ушах становится больше, а голова кружится все сильнее. По ощущениям я или хлопнусь в обморок, или отключусь, как случилось, когда голос в голове во время поцелуев с Валентайном заорал: «Нет». Но сейчас этот голос молчит, тело становится горячим и тяжелым, а пальцы — непослушными. Они цепляются за пуговицы на рубашке, срываются, снова цепляются.

Грудь тоже тяжелая, а от прикосновения запястья к соску даже через белье я вздрагиваю. В меня словно снова ударяет разряд: от ощущений? Или от взгляда Люциана? Который становится раскаленным, звериным, в вязком клубящемся золоте магии королей плавятся две вертикальные щели зрачков.

— Можешь не раздеваться до конца. Освободи грудь. И поиграй с ней.

Кажется, я перестаю быть собой, а еще кажется, что схожу с ума. Потому что одна часть меня в шоке, а другая… другая наслаждается тем, что происходит. Медленно тянет кромку лифа вниз, накрывает ладонями грудь. Сжимает чувствительные острые вершинки между пальцами, и при этом еще и облизывает губы.

Тело становится не просто чувствительным, оно все как оголенный нерв, и уже кажется, что это не я ласкаю себя, а он. Взглядом. Совершенно жутким, затягивающим, как золотой водоворот, взрезающим яркость чувственных ощущений, делая их еще острее. Дыхание срывается, а следом за ним — стон. Я сама не понимаю, как это происходит, почему он такой низкий, такой глубокий… и почему так хочется выгнуться. Выгнуться всем телом, добавляя порочной откровенности.

— Ниже, — командует он, и ладонь сама собой стекает по животу, по юбке вниз, между разведенных бедер. От прикосновения к самой чувствительной точке тело превращается в сгусток желания, и в том, чтобы двигать пальцами там, внизу, больше нет никакого стыда. Не остается сомнений в правильности происходящего, только это горячее чувство, рождающееся внутри.

Только взгляд глаза в глаза.

Миг — и Люциан оказывается рядом, от такой дикой близости меня выносит волной драконьего жара, меня опрокидывают на кровать, и поверх моих пальцев ложатся его. Нажим становится сильнее, резче и жестче, перед глазами плавает золотой взгляд, и, почему-то — в

точности такой же, только прошлогодний, и поцелуй в беседке, и рассыпающееся над нами звездное небо.

Его пальцы резко врываются в меня, и звездное небо действительно рассыпается, только уже здесь. В этой комнате. На его кровати.

Я выгибаюсь, хватая губами воздух, а звезды все падают, падают, падают и отражаются в его глазах до тех пор, пока внутри накатывают волны острого, упоительного наслаждения.

После чего меня резко выбрасывает в реальность.

В осознание того, что только что произошло.

Глава 10

Сказать, что я была в шоке — значит, ничего не сказать. Внутри еще прокатывались отголоски сладкой дрожи, а снаружи я пялилась на Люциана, не представляя, как вообще позволила ему это сделать. Не представляя, как вообще могла получать от этого удовольствие, и еще больше — что мне со всем этим делать дальше.

«Как минимум, белье поправить, Лена», — прозвучала в голове ехидная мысль. А внешне прозвучала совсем другая:

— Мне кажется, или мы не договаривались, что ты будешь меня касаться?

Он отдернул руку. Так, будто обжегся или что похуже.

— Мне кажется, мы договорились, что условия здесь ставлю я.

— Договорились. Еще мы договорились, что ты удалишь все записи после представления. Представление окончено, можешь удалять.

Люциан наградил меня злым взглядом, но мне было не до этого. Я поправила верх белья и сосредоточилась на том, чтобы застегнуть блузку. Понимала, что если не сделаю это быстро и не уберусь отсюда, у Эстре будет очень чудесный день. Темная магия или светлая, или просто кулак в нос — дело десятое. Избиение принцев в драконовых королевствах вряд ли законами одобряется, поэтому я подхватила пиджак и поднялась.

Что касается вышеупомянутого принца, он по ощущениям тоже готов был убивать. И, что самое веселое, в этом случае Люциан скорее всего отделается легким выговором.

— Каждый день таким развлекаешься, Ларо? Выглядишь довольной.

— А ты нет. Видимо, давно не трахался, и мозги съехали окончательно. — Я на всякий убрала руки за спину, посмотрела на него в упор. — Удаляй.

Он приподнял брови. А потом усмехнулся и поднес к моему лицу пальцы. Те самые, которые только что побывали во мне.

— Оближи.

Я держалась. Я правда держалась, но в этот момент моя рука сама собой совершила предсказуемый резкий выпад и влетела в нос Драгона. Настолько отточенным, четким жестом, что он не успел закрыться, и получилось смачно. Его шатнуло назад, он схватился за лицо, а я показала ему знакомый по собственному миру жест.

— Облизывай сам, отрыжка драконьего мира.

После чего подхватила валявшуюся на полу сумку и направилась к двери.

— Насчет удовольствия, — бросила на ходу. — Это было легко. Я просто представляла Валентайна.

Шарахнув дверью от души, я окончательно успокоилась. Причем по всем пунктам. Ему придется удалить эту запись, потому что в противном случае я всем расскажу о том, что здесь произошло. От моей репутации уже давно остались лоскутки, а вот шантаж и принуждение девушки к такому… ну посмотрим, как местное общество на такое реагирует. Не говоря уже о том, что даже если и это сойдет ему с рук, то в глазах друзей заминусит сразу тысячу баллов.

Именно потому, что я — это я.

Да и не только друзей. В глазах всей Академии.

По-хорошему, мне бы сейчас в душ, смыть с себя все это, но в душ я катастрофически не успевала. Даже если прыгнуть темным порталом в магистрериум, что само по себе риск, я все равно могу опоздать и начнутся вопросы от Валентайна, а вопросы от Валентайна мне сейчас точно ни к чему. Поэтому я предпочла пройти пешком через парк, глубоко дыша и стряхивая с себя остатки чувственных прикосновений, от которых горели ладони, пальцы и все внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.